

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Федеральное государственное казённое образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

О. А. Ветрова

**СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ПРАВОСОЗНАНИЯ В СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ
ПРАВА ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

0-ááí íá í îîî áèá

*Áîí óáí í Î èí èî ðáî ðáî áî áî óò ðáí í èò ääè Ðîîî èíèé Óáááðáöèè
á èá: áî ðáî 0-ááí íá í îîî áèü äèü íáðáçí áàò áèüü ùò 0-ðáè äáí èé
áîî ðáî í ðî ðáî èíèé áèüü íá íáðáçí ááí èü Î ÁÁ Ðîîî è,
îî ðáí èé íá íááí íá áî óò ðáí í èò ääè Ðîîî èíèé Óáááðáöèè*

Орел
ОрЮИ МВД России
2012

УДК 34
ББК 67
В39

Рецензенты:

В.А. Бочаров, кандидат юридических наук
(Белгородский юридический институт МВД России);

О.В. Борисов, кандидат юридических наук
(Северный районный суд г. Орла)

Автора: Г.А.

В39 **Специфика функционирования правосознания в сфере применения норм права органами внутренних дел: учебное пособие / О.А. Ветрова. – Орел: ОрЮИ МВД России, 2012. – 74 с.**
ISBN 978-5-88872-054-7

В учебном пособии анализируются особенности функционирования правосознания в правоприменительной деятельности ОВД, какие его свойства приобретают существенное значение для хода и результатов этой деятельности, а также систематизированы с позиции общей теории права и государства факторы, влияющие на правосознание в осуществляемом органами внутренних дел правоприменении.

Прослеживается характер зависимости между содержательными свойствами правосознания, причем не только сотрудников ОВД, но и иных лиц, участвующих в правоприменении, и эффективностью правоприменительной деятельности.

Учебное пособие предназначено для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля, а также может быть использовано в работе психологических служб и отделов, отделов воспитательной работы.

УДК 34
ББК 67

ISBN 978-5-88872-054-7

© ОрЮИ МВД России, 2012

Введение

Для отечественной правовой науки традиционно актуальным является исследование проблематики, связанной с совершенствованием правоприменительной деятельности органов внутренних дел. Интерес к ней вполне объясним в связи с тем, что ОВД в рамках осуществляемого ими правоприменения выполняют большой объем функций, связанных с обеспечением законности, охраной правопорядка, защитой прав и законных интересов граждан, и в современных условиях социальная значимость реализации перечисленных функций постоянно возрастает. Как следствие, все с большей остротой встает проблема повышения эффективности данной деятельности.

Решение обозначенной задачи требует формирования целостного представления об объективных и субъективных факторах, обуславливающих содержание и результаты осуществляемого органами внутренних дел правоприменения. Несмотря на это на сегодняшний день должное внимание уделяется лишь объективным факторам, в контексте которых применение норм права разворачивается, проблема субъективного в нем упорно обходится вниманием.

К сожалению, практически не исследованным остается вопрос о том, каким образом на ход и результаты правоприменения влияет правосознание его субъектов и иных участников, и это несмотря на всю очевидность того, что такое влияние уже в силу специфики самого механизма применения норм права просто не может не быть значимым. Как следствие, возникают довольно односторонние представления о возможных методах и средствах повышения эффективности правоприменительной деятельности ОВД. Использование таких методов и средств на практике, без учета того, что правоприменение не может быть рассмотрено как автоматический перевод нормативного правового предписания в индивидуальное, а представляет собой процесс, опосредованный правосознанием его участников, не позволяет обеспечить реальное повышение эффективности правоприменительной деятельности ОВД.

С учетом изложенного возникает необходимость детального исследования правосознания в правоприменительной деятельности ОВД, определения его места и роли в ней, и именно результаты такого исследования могут стать основой формирования новых подходов к решению проблемы эффективности применения норм права органами внутренних дел.

§ 1. Особенности функционирования правосознания сотрудников органов внутренних дел в осуществляемой ими правоприменительной деятельности

Поскольку сотрудники ОВД выступают субъектами осуществляемого ими применения права, полагаем необходимым в первую очередь рассмотреть вопрос о том, каким образом их правосознание влияет на ход и результаты правоприменения. Помимо чисто теоретического (исследование механизма взаимосвязи между содержательными особенностями правосознания субъекта правоприменения и эффективностью осуществляемой им правоприменительной деятельности и ее результатов), данный вопрос имеет и практическое значение, поскольку, только решив его, можно определить научно обоснованные пути и средства оптимизации такого сознания, способные обеспечить повышение эффективности правоприменения.

Однако, прежде чем непосредственно перейти к решению поставленной задачи, для того, чтобы в дальнейшем избежать возможной терминологической путаницы, полагаем необходимым разграничить понятия «правоприменение», «правоприменительная деятельность» и «правоприменительное производство», которые нередко в научной литературе используются в одном ряду, как синонимичные.

Что касается понятия «правоприменение», то оно по своему объему, на наш взгляд, является наиболее широким. Для отечественной юридической науки уже традиционным стало понимание правоприменения как особого вида государственно-властной деятельности по подготовке и принятию индивидуальных юридических решений. Так А.В. Мицкевич и А.Л. Недавний полагают, что «под применением норм права следует понимать совершаемые компетентными органами (или по уполномочию государства органами общественной организации) акты индивидуального значения правоуправленческого или правоохранительного характера»¹. С.С. Алексеев указывает, что применение права – «властная индивидуально-правовая деятельность, которая направлена на решение юридических дел и в результате которой в ткань системы включаются индивидуальные предписания»². И.П. Левченко считает, что «применение права – это властная организующая деятельность компетентных органов государства, посредством которой содержащиеся в нормативно-правовых актах общие правила поведения и деятельности социальных субъектов переводятся в плоскость их индивидуально-конкретного действия»³. Н.Н. Вопленко пишет, что «в самом общем виде применение права есть властная организа-

¹ Теория государства и права. Издание 2-е, дополненное и переработанное / Ответственный редактор Н.Г. Александров. М.: Юридическая литература, 1974. С. 563.

² Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1993. С. 178.

³ Левченко И.П. Механизм применения права (опыт системного исследования): Монография. Смоленск: Издательство СГУ, 1997. С. 5.

ционная деятельность компетентных, то есть специально на это уполномоченных органов и должностных лиц по рассмотрению и разрешению юридических дел путем издания индивидуальных правовых предписаний на основе и во исполнение действующего законодательства»¹. Однако, по нашему мнению, сводить правоприменение исключительно к ее внешним проявлениям не совсем правильно. Правоприменение – это не просто особый вид деятельности, а характеризующаяся принципиальным своеобразием форма реализации права. В этой связи более уместным нам представляется говорить о применении права как о государственно-властном способе осуществления норм права².

Правоприменительная деятельность, в отличие от применения норм права, как раз может быть определена как государственно-властная организационная деятельность специально на то уполномоченных органов, посредством которой содержащиеся в нормативно-правовых актах общие правила поведения и деятельности социальных субъектов переводятся в плоскость их индивидуально-конкретного действия. Правоприменительная деятельность – это внешняя, активно-волевая сторона применения права, его выражение.

Правоприменительное производство – категория, не совпадающая по своему содержанию ни с применением норм права, ни с правоприменительной деятельностью. Она охватывает собой формально-логическую, нормативно задаваемую последовательность конкретных действий по государственно-властной реализации правовых норм. Введение понятия «правоприменительное производство» позволяет акцентировать внимание на том, что правоприменительная деятельность – это не просто совокупность определенных действий, а именно система последовательных, взаимосвязанных и взаимообусловленных актов, которые с разной степенью детализированности регламентированы правовыми нормами.

Решая вопрос о том, каким образом правосознание сотрудников ОВД влияет на ход и результаты осуществляемой ими правоприменительной деятельности, будем исходить из ранее определенных методологических предпосылок, и в первую очередь учитывать то обстоятельство, что такое правосознание вне зависимости от его фактического содержания полифункционально, осуществляет в рассматриваемой сфере и познавательную, и регулятивную, и творческую функции. Сам факт осуществления правосознанием сотрудников ОВД в процессе применения ими норм права перечисленных функций никоим образом не зависит от содержательных характеристик правового сознания, но в то же время характер и результа-

¹ Вопленко Н.Н. Реализация права. Волгоград, 2001. С. 21.

² См.: Проблемы теории государства и права / Под ред. С.С. Алексеева. М.: Юридическая литература, 1987. С. 358; Попов В.В. Обыкновения правоприменительной деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 7.

тивность их осуществления определяются непосредственно содержательной спецификой правосознания.

Поскольку роль правосознания сотрудников ОВД в осуществляемой ими правоприменительной деятельности определяется непосредственно конкретными проявлениями осуществляемых им функций, полагаем необходимым в первую очередь рассмотреть существующие особенности осуществления таких функций.

Познавательная функция. Основой правоприменительной деятельности выступает познание фактических и юридических обстоятельств конкретного дела, подлежащего разрешению: правильное их установление выступает в качестве одного из важнейших условий эффективности применения норм права, в том числе – осуществляемого сотрудниками ОВД.

Вполне очевидно, что процесс познания в данном случае не может быть осуществлен без участия правового сознания, и в этой связи можно признать, что познавательная функция правосознания сотрудников ОВД неизменно проявляет себя в процессе применения ими норм права.

Специфика правоприменительной деятельности ОВД предопределяет то обстоятельство, что познание фактических и юридических обстоятельств не может быть сведено к пассивному восприятию правовой действительности, а требует от субъекта правоприменения активных волевых действий.

Прежде всего, нередко сами обстоятельства, вызывающие необходимость применения правовых норм и являющиеся основаниями для начала ОВД правоприменительного производства, выявляются именно в ходе поисковой деятельности. А последняя требует от сотрудника ОВД приложения определенных интеллектуальных и волевых усилий, без проявления которых оказывается неэффективна.

Помимо этого познавательной активности требует также установление фактических обстоятельств дела, имеющих значение для его правильного разрешения, уже в процессе самого правоприменительного производства, и здесь также возникают определенные проблемы. Во-первых, правоприменительная деятельность милиции, которая в первую очередь осуществляется в правоохранительной форме, неизменно затрагивает интересы адресатов нормативных правовых предписаний, в силу чего они нередко могут противодействовать правильному установлению фактических обстоятельств дела – в тех случаях, когда это противоречит их собственным интересам. Во-вторых, сотрудник милиции в процессе осуществляемой им деятельности испытывает потребность в установлении не наличных обстоятельств, а тех фактов, которые имели место в прошлом, что также в значительной мере затрудняет их познание. Наконец, в-третьих, регулирование деятельности ОВД по разрешительному типу предопределяет существенную ограниченность самих средств познания.

Важно отметить, что и в процессе установления обстоятельств, служащих основаниями для начала правоприменительного процесса, и в процессе установления фактической основы разрешаемого дела правосознание не только отражает собираемую информацию, но и оценивает ее с точки зрения объективности, достоверности и полноты (достаточности).

Познавательная функция правосознания сотрудников ОВД в осуществляемой ими правоприменительной деятельности проявляет себя и при установлении юридической основы дела. Названная стадия применения норм права включает в себя: нахождение нормы, подлежащей применению; проверку правильности текста того акта, в котором содержится искомая норма права; проверку действия нормы во времени, в пространстве и по кругу лиц; уяснение ее содержания. Но так как большинство правоприменительных процессов органов внутренних дел сложно по своему содержанию, правоприменительная деятельность этих органов на второй стадии правоприменения может не сводиться лишь к вышеперечисленным действиям. На данной стадии может осуществляться нахождение и проверка имеющих юридическое значение актов толкования нормы, подлежащей применению, нахождение средств решения дела, когда конкретная норма, подходящая к установленным обстоятельствам, в законодательстве отсутствует, а отказывать в решении под этим предлогом запрещено, а также другие необходимые действия.

Очевидно, что любое из перечисленных действий осуществляется только при участии правосознания правоприменителя, которое неизменно отражает результаты деятельности по установлению правовой нормы, подлежащей применению, и оценивает результаты такого отражения с точки зрения их пригодности для того, чтобы выступить юридической основой для разрешения данного конкретного дела.

Следует отметить, что описанными проявлениями, свидетельствующими об осуществлении правовым сознанием сотрудников ОВД в ходе правоприменительной деятельности познавательной функции, последняя не ограничивается. В процессе правоприменения, осуществляемого ОВД, происходит не только реализация правовых норм, но и восприятие и оценка любых явлений правовой действительности, с ним связанных. Так, например, в ходе правоприменения с точки зрения самых различных критериев (соответствия общеправовым принципам, эффективности, полноты и непротиворечивости, целесообразности и т.д.) оцениваются сами применяемые нормы закона. Помимо этого при осуществлении рассматриваемой деятельности имеют место и другие виды оценок:

- реализуемых процессуальных норм с точки зрения их целесообразности, справедливости и полезности;
- собственного поведения в ходе осуществления применения норм права с точки зрения его законности, обоснованности, целесообразности, справедливости;

- поведения других участников правоприменительного производства по тем же критериям;

- конечных результатов применения норм права с точки зрения их законности, справедливости, соответствия целям и задачам правового регулирования;

- правоохранительной деятельности ОВД и других правоохранительных органов в целом с точки зрения ее эффективности и т.д.

Таким образом, весьма точным оказывается замечание, что любой правоприменительный процесс приобретает оценочный характер¹.

Регулятивная функция. Регулирующая роль правосознания сотрудников ОВД в осуществлении ими правоприменительной деятельности на сегодняшний день, пожалуй, единственная, которой уделяется должное внимание в научной литературе. Поэтому остановимся при ее рассмотрении лишь на тех моментах, которые, на наш взгляд, являются ключевыми для правильного понимания механизма ее осуществления.

По наблюдению П.П. Баранова, правосознание оказывает непосредственное регулятивное воздействие на юридически значимое поведение профессионала: оно выступает определяющим источником и каналом осознания целей юридически значимого поведения, помогает работнику юридической профессии «увидеть» набор возможных средств достижения этих целей и произвести выбор конкретных средств из некоторого множества гипотетически возможных, а также помогает правильно оценить социальную эффективность избранной стратегии решения задачи и профессиональной деятельности в целом². Вместе с тем, как представляется, проявления регулятивной функции сотрудников ОВД в осуществляемой ими правоприменительной деятельности гораздо богаче и многообразнее, чем те, которые обычно подвергаются научному анализу.

Представляется, что регулирующая функция правосознания сотрудников ОВД как субъектов применения норм права проявляет себя отнюдь не только в том, что правосознанием опосредуется непосредственно само содержание выносимого решения, им также во многом определяется:

- выбор средств и способов действия при установлении фактических обстоятельств дела и установлении нормы, подлежащей применению;

- выбор вариантов поведения во взаимодействии с адресатами применяемых правовых норм и другими участниками правоприменительного производства;

¹ Баландин В.Н. Принципы юридического процесса: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 7.

² Баранов П.П. Профессиональное правосознание и поведение работников правоохранительных органов // Личность и власть (конституционные вопросы): Межвузовский сборник научных работ. Ростов-на-Дону: РВШ МВД РФ, Саратов: Саратовская государственная академия права, 1995. С. 63-64.

- выбор способов разрешения конфликтных ситуаций, вызванных между правоприменителем и другими участниками правоприменительного производства, а также между самими заинтересованными его субъектами.

Сразу же необходимо оговорить, что даже при условии высокого уровня правовой образованности сотрудника ОВД как субъекта применения права конечный результат регулятивного воздействия его правового сознания по любому из обозначенных направлений практически никогда не совпадает с идеальным, предполагаемым результатом регулятивного воздействия регламентирующей правоприменительную деятельность ОВД материальных и процессуальных норм. Данное обстоятельство обуславливается тем, что внутренняя аргументация выбора тех или иных вариантов действия в конкретных обстоятельствах определяется функционированием естественно-правового компонента правового сознания правоприменителя, наряду с юридическим, отражающим содержание позитивного права и отношение к нему. В условиях специфического содержательного наполнения российского правового сознания, предопределяющего весьма серьезные противоречия между названными компонентами, особенно с учетом того, что, по справедливому наблюдению И.А. Ильина, положительное право переживается правосознанием как имеющее объективное значение¹, описанная особенность оказывается практически закономерной.

Творческая функция. В юридической литературе довольно давно говорится о нецелесообразности использования упрощенного подхода к пониманию правоприменения, в рамках которого оно сводится фактически к формальному вынесению решения по методу силлогизма, в котором роль большой посылки играет норма закона, а малой – конкретная ситуация, подлежащая разрешению. Такое понимание процесса применения права, по точному наблюдению В.В. Ершова, - конструкция, пригодная для формально-логического представления о вынесении решения, но при этом не отражающая всей специфики деятельности по применению норм права². О нецелесообразности такого подхода к пониманию правоприменения пишет и А.В. Цихоцкий³.

Несмотря на то, что подобные высказывания делаются обычно по отношению именно к судебному применению норм права, а в работах, посвященных другим видам и формам правоприменения, как раз встречаются обратные утверждения⁴, вполне очевидно, что в данном случае аргументы,

¹ Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. С. 29.

² Ершов В.В. Судебное правоприменение (теоретические и практические проблемы). М.: МЮ СССР, Правовая академия, 1991. С. 3.

³ Цихоцкий А.В. Прецедентное право в механизме обеспечения эффективности правосудия по гражданским делам // http://www.legist.ru/conf/_Tsyhotsky.htm.

⁴ Так, в частности, Н.Н. Вопленко и А.П. Рожнов указывают, что «в идеале задача правоприменения состоит в простом «наложении» нормы как общей модели поведения на фактически возникшее конкретное отношение по принципу простого категорического

приводимые учеными, в полной мере справедливы и по отношению к внесудебному применению права, осуществляемому ОВД.

Так, например, А.В. Цихоцкий, предвидя возможные возражения своих оппонентов, пишет: «Правовые отношения не могут выражаться в неизменной форме при каждодневной трансформации человеческих связей, детерминирующих гибкость правовой системы. Следовательно, допустимая степень неопределенности законодательных положений – сама по себе ценность нормативных предписаний, позволяющая регулировать общественные отношения в соответствии именно с правом, а не только с законом. В сравнении с динамикой реальных отношений законодательство есть более консервативный элемент, требующий адаптирующих механизмов, способных свести к минимуму отставание законотворческих усилий государства от объективной реальности. В этой связи судопроизводство в сфере социального управления выступает своеобразной предпосылкой не только действия законов, но и их эффективности, поскольку выполняет роль информационного канала о качестве правовых норм»¹. Вполне очевидно, что приведенные доводы в полной мере применимы для обоснования недопустимости формального подхода к пониманию применения норм права ОВД, когда оно рассматривается как автоматический перевод императивной нормы в индивидуальное правовое предписание. Безусловно, свобода усмотрения сотрудников ОВД как субъектов применения права является гораздо меньшей, чем, например, судей, однако это вовсе не свидетельствует о возможности рассматриваться его в качестве бездумного исполнителя буквы закона, не подключающего к принятию правоприменительного решения собственное правосознание и его творческие возможности.

В современной юридической литературе на творческий характер правоприменения обычно указывается без каких-либо специальных оговорок², в отдельных случаях отмечается только лишь общеизвестность дан-

силлогизма» (См.: Вопленко Н.Н., Рожнов А.П. Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции. Волгоград, 2004. С. 199). Аналогичную позицию занимает К.И. Скловский (См.: Скловский К.И. Право и рациональность // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 63).

¹ Цихоцкий А.В. Прецедентное право в механизме обеспечения эффективности правосудия по гражданским делам http://www.legist.ru/conf/_Tsyhotsky.htm.

² См., например: Рагимов А.Т. Юрисдикционное правоприменение в системе правовой деятельности органов внутренних дел: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 50; Бернацкий Г.Г. Законность и целесообразность в конституционной юстиции Российской Федерации: Теоретический аспект // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии: Дайджест официальных материалов и публикаций периодической печати. 2006. № 3. С.138 и др.

ного его свойства. Так Т.В. Авакян пишет: «Общеизвестно, что применение правовых норм является творческим процессом ...»¹.

В тех случаях, когда обстоятельства, обуславливающие творческий характер применения права, все же указываются, они, тем не менее, трактуются весьма ограничительно. Н.Н. Вопленко отмечает, что «творческий характер правоприменения определяется необходимостью глубокого познания фактических обстоятельств дела, решением проблемы выбора (поиска) и анализа подлежащей применению нормы права, юридической квалификации общественного отношения и, наконец, изданием и оформлением правоприменительного акта. Все это предполагает необходимость затраты правоприменителем интеллектуальных и волевых усилий, творческого отношения к делу»². Л.А. Воскобитова, говоря о применении уголовно-правовых норм, связывает творческий характер правоприменительной деятельности с тем, что «на первом этапе правоприменения, как известно, необходимо познание действительности, всестороннее, полное и объективное установление фактических обстоятельств дела»³. П.Г. Марфицин пишет: «Мы согласны с мнением ученых, которые среди признаков правоприменения и его содержания выделяют свойство, состоящее в том, что, несмотря на строгую правовую регламентацию, правоприменительная деятельность имеет творческий характер. Это обусловлено ее оценочно-познавательной направленностью, потребностью принятия процессуальных решений с учетом особенностей и многообразия фактических обстоятельств, необходимостью руководствоваться правосознанием и др.»⁴.

Вместе с тем, максимально полное и точное определение обстоятельств, предопределяющих творческий характер правоприменения, на наш взгляд, имеет большое значение для правильного понимания механизма творческого функционирования правосознания сотрудника ОВД как субъекта применения права. Если посмотреть на проблему максимально обще, станет очевидно, что творческий характер правоприменения обуславливается одновременно целым рядом обстоятельств:

1. Применяемые нормы права содержат лишь самые общие модели поведения участников правоотношений, нуждающиеся в конкретизации с учетом специфики фактических обстоятельств дела. Как справедливо подчеркивает И.Я. Дюрягин, «применение права ... является следствием обще-

¹ Авакян Т.В. Юридическое мышление в правоприменительном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 3.

² Вопленко Н.Н. Реализация права. Волгоград, 2001. С. 26.

³ Воскобитова Л.А. Использование системного метода в исследовании современных проблем уголовного процесса // Сборник научных трудов. Серия «Гуманитарных и социально-экономических наук». Ставрополь, 1998. С. 158.

⁴ Марфицин П.Г. Усмотрение следователя (Уголовно-процессуальный аспект). Омск, 2002. С. 33.

нормативного характера права»¹. Любая ситуация, для урегулирования которой не требуется привнесения в ее разрешение элемента творчества, с юридической точки зрения представляется способной к саморегулированию на основе существующих правовых норм, соответственно, вмешательства государства, применения им норм права в данном случае не требуется.

2. Как справедливо отмечает В.А. Новицкий, «единый «стандарт» права, закреплённый в правовой норме, коллизионен по своей сути, и именно это вызывает необходимость правоприменения для обозначения границ дозволенного поведения в конкретном случае»².

3. Возможно использование различных средств достижения одной и той же цели, поставленной правовой нормой. Правоприменитель призван посредством вынесения индивидуального решения обеспечить такое поведение адресатов нормативных правовых предписаний, которое с учетом фактических обстоятельств дела в наибольшей степени соответствовало бы букве и духу закона.

С учетом изложенного, можно с полным основанием говорить о том, что правосознание сотрудника ОВД как субъекта применения права проявляет себя в процессе конструирования индивидуально-правового решения, моделирует конечное правовое отношение, возникающее на основе такого решения, выполняя тем самым творческую функцию по отношению к правовой действительности.

Вместе с тем, указанным проявление творческой функции правового сознания правоприменителя не ограничивается. Также она проявляет себя в процессе обоснования совершаемых сотрудником ОВД действий и принимаемых решений, которое в подавляющем большинстве случаев получает внешнее выражение в самом правоприменительном акте.

Любое принимаемое сотрудниками ОВД как субъектами применения норм права решение должно быть обоснованным и мотивированным, причем несоблюдение названных требований нередко самим действующим законодательством называется в качестве оснований признания решения незаконным. Так, ч. 4 ст. 7 УПК РФ «Законность при производстве по уголовному делу» прямо закрепляет: «Определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными». П. 10 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор наделен правом отменять необоснованные постановления следователя и дознавателя. П. 2 Ч. 1 ст. 39 начальник следственного отдела уполномочен отменять необоснованные постановления следователя о приостановлении предварительного следствия, а п. 3 ч. 1 той же статьи - вносить прокурору

¹ Проблемы теории государства и права / Под ред. С.С. Алексеева. М.: Юридическая литература, 1987. С. 359.

² Новицкий В.А. Теория российского процессуального доказывания и правоприменения. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С. 424-425.

ходатайства об отмене иных незаконных или необоснованных постановлений следователя. Аналогичными полномочиями пп. 3 и 4 ч. 1 ст. 40.1 наделен начальник подразделения дознания по отношению к находящимся в его подчинении дознавателям.

Следует отметить, что требование обоснованности принимаемого решения направлено не только на обеспечение его адекватности реализуемым нормативным правовым предписаниям. В этой связи обоснованным оказывается указание на то, что «каждое конкретное проявление доказательственной способности субъекта носит целевую направленность на подтверждение от имени государства правомерности утверждаемого со стороны правоприменителя»¹, а не только призвано обеспечить правильное установление фактических обстоятельств дела.

Конкретизация нормативного правового предписания не является конечной целью правоприменения: «эффективность правоприменительной деятельности органов внутренних дел – это способность обеспечить своевременную и согласованную с требованиями закона реализацию юридических норм, которая при наименьших социальных издержках оптимально положительно влияла бы на регулируемые общественные отношения, формируя желательное поведение их участников»². Однако, вынесение правоприменительного решения, даже при условии адекватности его нормативным правовым требованиям, само по себе не гарантирует правильного воплощения государственно-властной воли, находящей свое выражение в нормативном правовом акте, в общественном отношении.

Идеальной ситуацией, при которой действительно может быть обеспечена точная реализация правоприменительного решения, выступает его добровольное исполнение его адресатами. Но для того чтобы правоприменительное решение действительно нашло свою реализацию, оно должно быть понято и принято его адресатами. А это возможно только при условии, если будут понятны и признаны обоснованными мотивы, которыми руководствовался правоприменитель, вынося решение. Изложение таких мотивов, по большому счету, и есть обоснование, при осуществлении которого непосредственно задействуется правосознание правоприменителя.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на то, что названная функция находит свою реализацию прежде всего именно в обосновании законности и справедливости выносимого решения его адресатам, только лишь этим сфера ее действия не ограничивается. Деятельность сотрудников ОВД спе-

¹ Новицкий В.А. Правоприменение: соотношение стадий применения права и проявления доказывания субъекта, их влияние на тип судопроизводства // Правовая система России: история и современность (опыт правового регулирования). Ставрополь, 2002. С. 189.

² Алексеева Л.А. Соотношение социальной и юридической эффективности правоприменительной деятельности (на примере органов внутренних дел): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 18.

цифична тем, что является подконтрольной и поднадзорной деятельностью, и более того, достаточно часто встречаются случаи, когда правоприменительное решение считается принятым только тогда, когда санкционировано вышестоящим начальником либо иным органом (прокуратурой или судом – в уголовно-процессуальной сфере, в оперативно-розыскной деятельности). Вполне понятно, что санкционирование в данном случае будет иметь место только при условии, если принимаемое решение будет признано справедливым и законным санкционирующим субъектом, а для этого оно должно быть обосновано субъектом, осуществляющим применение права.

Говоря о проявлениях творческой функции правосознания сотрудника ОВД как субъекта применения норм права, нельзя обойти вниманием еще одно из них, которое связано непосредственно с прогностической деятельностью указанного субъекта.

Признанным является факт того, что в процессе правоприменительной деятельности неизменно осуществляется прогнозирование юридически и социально значимых последствий принятия того или иного правоприменительного решения. С.Б. Швецовым его осуществление объясняется тем, что «правоприменителю необходимо предвидеть, к какому результату данное воздействие приведет», при этом он даже указывает на то, что «предварительное прогнозирование эффективности применения права, должно стать обязательной стадией правоприменительного процесса, поскольку, только изучив объективные условия, в которых протекают общественные отношения, подлежащие регулированию в процессе применения права, можно вынести решение, которое будет иметь наибольший потенциал его эффективной реализации»¹.

Прогнозирование, как представляется, выступает относительно самостоятельным проявлением осуществления творческой функции правосознанием правоприменителя. При этом речь должна идти не только о прогнозировании развития конкретного общественного отношения, возникающего или изменяющегося на основе правоприменительного решения, но и перспективных последствий решения.

Анализируя особенности функционирования правосознания сотрудников ОВД в правоприменительной деятельности, конечно, можно рассмотреть лишь наиболее общие его принципы. Правоприменение неоднородно, и уже тот факт, что в качестве самостоятельных выделяются правоохранительная и оперативно-исполнительная его формы, позволяет предположить, что в рамках различных правоприменительных производств функционирование правосознания правоприменителя способно приобретать некоторые специфические особенности. Указанное обстоятельство,

¹ Швецов С.Б. Эффективность правоприменительной деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 12.

безусловно, не должно остаться без внимания, но вместе с тем, оно не может быть основанием для отрицания общих закономерностей функционирования правосознания сотрудников ОВД в рассматриваемой нами сфере.

Принимая во внимание то обстоятельство, что внешние проявления функционирования правосознания сотрудников ОВД в абсолютно всех его аспектах (познавательном, регулятивном и творческом) обнаруживаются на любых этапах правоприменительной деятельности, позволяет говорить о зависимости эффективности применения норм права от особенностей правосознания сотрудников ОВД как опосредующего звена в осуществляемом ими правоприменении.

О зависимости эффективности осуществления правосознанием сотрудников ОВД перечисленных функций можно говорить как применительно к каждой из них в отдельности, так и в целом, рассматривая содержательные особенности правосознания как фактор, влияющий на достижение конечной цели применения права – адекватного воплощения предписаний правовой нормы в реальных общественных отношениях.

Вопрос об эффективности функционирования правосознания в правоприменительной деятельности целом, безотносительно отдельно взятых выполняемых им функций – это вопрос о том, насколько реальное качественное состояние правосознания сотрудников ОВД как субъектов, осуществляющих эту деятельность, позволяет обеспечивать адекватный перевод нормативных предписаний в индивидуально-правовые, а затем – возникающие на их основе общественные отношения. Вполне логично предположить, что эффективность в данном случае обеспечивается за счет определенного сочетания интеллектуально-волевых и эмоциональных качеств, находящих свое выражение в правосознании сотрудника ОВД, позволяющего обеспечить законное и справедливое решение дела.

Говоря о механизме функционирования правосознания субъекта правоприменения, некоторые авторы полагают, что главный компонент, обеспечивающий точный перевод нормативного предписания в индивидуальное, должен быть отнесен к идеологическому уровню правового сознания, и прежде всего им выступает высокий уровень правовых знаний.

Так, например, Н.Н. Вопленко, называя в качестве одного из признаков применения норм права то, что оно представляет собой особую разновидность профессионально-правовой деятельности, указывает: «Государству далеко не безразлично, кто у него занимается правоприменением. Поэтому в любом государстве всегда готовится и содержится своеобразный «корпус» правоприменителей, работников государственного аппарата, имеющих юридическое образование. Это является гарантией законности и профессионализма в правоприменении»¹.

¹ Вопленко Н.Н. Реализация права. Волгоград, 2001. С. 25-26.

Во многом схожей является позиция по рассматриваемому вопросу П.П. Баранова, который роль «центра управления в системе правосознания личного состава органов внутренних дел» отводит закону и правовому опыту в их гомеостазисе¹.

Вполне вероятно, что возникновение подобных представлений связано с оценкой идеологического компонента и, в частности, правовых знаний в качестве ведущего в профессиональном правосознании. Вместе с тем, наличие подобной зависимости представляется весьма спорным. Высокий уровень правовой образованности еще не является залогом высокоэффективной деятельности сотрудников ОВД как субъектов правоприменения, и данное обстоятельство находит многочисленные подтверждения. Более того, он лишь в незначительной степени влияет на психологический компонент правового сознания. А значит, эффективность функционирования правосознания сотрудника ОВД как субъекта применения права, нельзя ставить в зависимость только лишь от качественного состояния идеологического компонента правосознания, тем более – одного лишь уровня правовых знаний. Она определяется содержанием правосознания в целом, как взятых в своем единстве правовой идеологии и психологии, общесоциального и специального компонентов, естественно-правового и юридического слоев.

Принимая во внимание зависимость эффективности функционирования правосознания сотрудников ОВД от особенностей всех его содержательных компонентов, взятых в единстве и взаимосвязи, раскроем те его особенности, которые вызывают расхождение между предполагаемой, законодательно заданной целью применения норм права и его конечными результатами.

Эффективность функционирования правосознания сотрудника ОВД в процессе осуществляемой ими правоприменительной деятельности существенно снижается вследствие его противоречивости. О том, что противоречия характерны для такого правового сознания пишет, например, П.П. Баранов: «Весьма существенным свойством систем ПЛС органов внутренних дел является ее внутренняя противоречивость. По самой своей природе названная система противоречива, конфликтна, отличается внутренней борьбой интересов, позиций, столкновений точек зрения, разных подходов, способов решения конкретных служебных ситуаций и дел. Можно утверждать с полным основанием, что это одна из самых противоречивых систем, функционирующих в социально-правовой области общественной практики. По напряженности внутренней борьбы эта система приближается к политическим системам, например, к системе политического сознания общества или профессиональных политических деятелей»².

¹ Баранов П.П. Теория систем и системный анализ правосознания личного состава органов внутренних дел. Ростов-на-Дону: РВШ МВД РФ, 1997. С. 53-54.

² Баранов П.П. Указ. соч. С. 39-40.

Правильно оценивая профессиональное правосознание как противоречивое и видя в этом причину недостаточной эффективности функционирования его в правоприменительной деятельности, ученые, тем не менее, не совсем верно оценивают причины такой противоречивости. «Общая причина столь сильной противоречивости даже конфликтности системы ПЛС ясна – профессионалам лучше и дальше видны последствия принимаемых решений по конкретным правоохранительным ситуациям. У них шире поле рассмотрения проблем, диапазон перерабатываемой правовой и иной информации. Им многое «подсказывает» прошлый опыт»¹. Однако, противоречивость – имманентное свойство любого правосознания, а не только профессионального, а следовательно, в правоприменительной деятельности противоречия лишь проявляются, но не возникают. Данное обстоятельство обязательно должно учитываться.

Наиболее серьезным противоречием, снижающим эффективность функционирования правосознания сотрудников ОВД как субъектов применения норм права является противоречие между естественно-правовой и юридической его составляющими.

Естественно-правовой компонент в правовом сознании является ведущим, определяющим, поскольку складывается естественным путем и наиболее тесно смыкается с правовым бессознательным. Но в то же время правоприменение как деятельность по реализации формально закрепленных в признаваемых государством источниках права правовых норм, требует превалирования именно юридического компонента правосознания. Возникающее в данной ситуации расхождение между желаемым и реальным состоянием правового сознания обуславливает то, что зачастую находящие свое отражение в применяемых правовых нормах предписания находят неверное отражение в правоприменительных решениях.

Правоприменительное решение адекватно требованиям правовой нормы только при условии, если правоприменительная воля базируется на воле законодателя, находится в подчиненном по отношению к последней состоянии. Вместе с тем, правосознание правоприменителя – отнюдь не идеальная модель, а данность. «Ни правоприменитель, ни ученый-теоретик не могут «освободиться» от собственной субъективной ценностной позиции, ангажированности, своего желаемого видения права и социальных отношений»², соответственно, правосознание сотрудника ОВД как субъекта применения права никогда не совпадет ни с правосознанием законодателя, ни с общественным правосознанием.

С другой стороны, сотрудник ОВД, выступающий субъектом применения норм права, - живой человек со своими личностными потребностями и притязаниями. Данное обстоятельство даже дает основание говорить о

¹ Баранов П.П. Указ. соч. С. 39-40.

² Баранов П.П. Актуальные проблемы теории правосознания и правового мышления / П.П. Баранов, А.И. Овчинников. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2006. С. 13.

том, что «для субъектов профессионального правосознания (особенно в их отношениях к действующему праву) характерно определенное раздвоение правосознания на **официально-должностное правосознание**, в котором доминируют мотивы законоодообрения и законопослушания, и **частное (личное) правосознание**, в котором, как и в массовом правосознании в целом, мотивы законопослушания частично сочетаются с мотивами закононарушения (как в личных интересах, так и в пресловутых «интересах дела»)»¹. В целом признавая описанную закономерность, с той лишь оговоркой, что в данном случае скорее более уместно говорить не о раздвоении, а о внутреннем противоречии, считаем необходимым подчеркнуть, что вследствие ее существования всегда объективно имеется опасность подмены интересов общества, для реализации которых сотрудник ОВД наделен полномочиями по применению норм права, собственными. Особенно актуальной эта опасность становится в связи с особенностями реально присущих на сегодня правосознанию сотрудников ОВД содержательных характеристик.

Помимо перечисленных факторов, предопределяющих невозможность в практической деятельности ОВД по применению норм права обеспечить идеальное бесперебойное действие механизма «правовая норма – правосознание правоприменителя – индивидуальное правовое предписание – правоотношение», необходимо указать также, что правоприменительное решение адекватно требованиям правовой нормы только при условии, если главным принципом, реализуемым в процессе применения норм права, является принцип законности. Однако на практике данный принцип соблюдается далеко не всегда, нередко правоприменитель руководствуется в первую очередь соображениями справедливости, целесообразности и т.п., в том числе и тогда, когда они вступают в противоречие с требованиями закона.

Еще одной важной проблемой, обуславливающей снижение эффективности функционирования правосознания сотрудников ОВД, является то, что нередко возможность (а одновременно и целесообразность) эффективно осуществлять возложенные на органы внутренних дел функции и общественным сознанием, и сознанием самих сотрудников ОВД непосредственно ставится в зависимость от уровня их государственного материального обеспечения². Во многих работах дается указание на то, что для повышения эффективности деятельности сотрудников ОВД чуть ли не опре-

¹ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 1999. С. 272.

² По результатам исследований, проведенных социологами, обращает на себя внимание «факт наличия большого числа граждан, считающих, что повышение зарплаты сотрудникам ОВД повлияет на укрепление общественного порядка и усиление борьбы с преступностью». См.: Невирко Д.Д. Деятельность милиции в зеркале общественного мнения / Д.Д. Невирко, В.Е. Шинкевич, Н.А. Горбач // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 81.

деляющее значение имеет повышение уровня заработной платы, предоставление в большом объеме различных льгот материального характера и т.п. Предполагается, что слабая материальная обеспеченность вызывает у сотрудников ощущение профессионально бессилия и невозможности полноценного выполнения служебных задач, а финансовые проблемы унижают их профессиональное достоинство и вызывают неудовлетворенность трудом, неуверенность в завтрашнем дне. К примеру А.О. Адян пишет: «...Материальное обеспечение сотрудников органов внутренних дел является крайне низким, неудовлетворительной является их социальная защита, связанная с несвоевременной выдачей зарплаты, страховых пособий, материальной помощи, премий и т.д. Все это отрицательно сказывается на морально-психологическом состоянии личного состава, на деятельности ОВД...»¹. А.Д. Магденко указывает: «... Социально-экономический фактор приобрел в последнее время чуть ли не первостепенное воздействие по степени своего влияния на правосознание сотрудников органов внутренних дел, так как уровень их материальной обеспеченности оставляет желать лучшего. <...> Низкий уровень денежного содержания сотрудников органов внутренних дел ... отрицательно воздействует на уровень правового сознания всех сотрудников»².

На самом деле, если какая-либо подобная зависимость и существует, ее значимость, как нам представляется, весьма условна, и уровень заработной платы влияет на и эффективность осуществляемой сотрудниками ОВД деятельности гораздо в меньшей степени, нежели, например, ценностные ориентации, находящие свое отражение в правовом сознании. По крайней мере, ни отмена льгот по оплате жилищно-коммунальных услуг, ни введение подоходного налога для сотрудников, ни отмена льгот по оплате проезда на показателях оперативно-служебной деятельности ОВД существенным образом не сказались.

Тем не менее, широкая распространенность описанного заблуждения предопределяет во многом пассивность правового сознания сотрудников ОВД, его неэффективное функционирование в процессе осуществляемой правоприменительной деятельности, служа своеобразным (и при этом – довольно сильным) внутренним аргументом в оправдание пассивности.

Если рассматривать причины, снижающие эффективность осуществления правосознанием сотрудников ОВД как субъектов применения норм

¹ Адян А.О. Совершенствование системы стимулирования труда сотрудников органов внутренних дел: Теоретический и организационно-правовой аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 3.

² Магденко А.Д. Правосознание сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в контексте международных стандартов правоохранительной деятельности: Теоретический и практический аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 48.

права отдельно взятых функций, можно обнаружить следующие закономерности:

1. Снижение эффективности осуществления правосознанием познавательной функции во многом определяется следующим. В случаях, когда в правосознании сотрудника ОВД отсутствует установка на активное выявление обстоятельств, выступающих фактическими основаниями применения норм права, эффективность осуществления деятельности по выявлению таких обстоятельств существенно снижается. Как следствие, происходит нарушение функционирования механизма правового регулирования, поскольку при наступлении предусмотренных нормой права юридических фактов возникновения, изменения или прекращения правоотношения, которые они за собой влекут, не происходит. Аналогичные по своему характеру негативные последствия имеет отсутствие в правовом сознании сотрудника ОВД как субъекта применения норм права установки на проявление активности в установлении фактических обстоятельств дела.

Это обуславливается: а) формальным отношением к возложенным на ОВД функциям; б) неверием в возможность в существующих условиях обеспечить осуществление таких функций и то, что такое осуществление позволит решить существующие в правоохранительной сфере проблемы; в) восприятием соответствующих образцов поведения, демонстрируемых сослуживцами ... и влечет за собой: а) невыявление случаев, требующих применения норм права; б) неприменение норм права в ситуациях, требующих такого применения; в) вынесение незаконных правоприменительных решений.

2. Снижение эффективности осуществления правосознанием своей регулирующей функции во многом обуславливается тем, что на сегодня, как правило, довольно серьезное влияние на деятельность сотрудников ОВД оказывают толкования, даваемые применяемым ими нормам права прокуратурой, судебными органами, либо вышестоящими начальниками; в результате происходит фактически подмена применения правовой нормы применением разъяснения, данного авторитетным для сотрудника ОВД субъектом.

Названное обстоятельство самым непосредственным образом связано с непризнанием сотрудниками ОВД, как и обществом в целом, ценности действующего законодательства, неверием в его способность выступать эффективным средством регулирования общественных отношений.

Результаты социологического опроса показывают, что примерно 49,9% сотрудников милиции объясняли наличие фактов нарушения законности и служебной дисциплины в своей деятельности несовершенством законов, регулирующих их деятельность¹. С несовершенством законов свя-

¹ См.: Кочин А. Причинный комплекс нарушений законности среди личного состава органов внутренних дел Северо-Западного федерального округа / А. Кочин, В. Харламов // <http://www.narcom.ru/ideas/socio/151.html#top>

зывает нарушения законности и служебной дисциплины сотрудниками ОВД и общественное мнение: подобное мнение в ходе опроса, проведенного в 1998 году, высказали 44,0 % респондентов, в 2004 году – 41,7 %¹. Принимая во внимание то обстоятельство, что существующие представления в значительной мере обуславливаются реальным состоянием действующего законодательства, применяемого сотрудниками ОВД в их повседневной деятельности и регулирующего такую деятельность, тем не менее, нельзя не отметить, что они во многом определяются спецификой общественного правосознания. И только с учетом этого в полной мере становятся ясны причины, по которым нередко разъяснения правовых норм, не носящие официального характера, для сотрудника ОВД как субъекта правоприменения оказываются более авторитетными, нежели предписания самих норм.

3. Снижение эффективности осуществления правосознанием творческой функции во многом обуславливается пассивностью правового сознания, которая находит свое выражение в нежелании определять цели и прилагать усилия для реализации собственных обязанностей в ходе применения норм права.

Совершение тех или иных активных действий в ходе применения норм права сотрудником милиции становится в большинстве случаев следствием действия мотивов, никоим образом не связанных с осознанием необходимости добросовестного исполнения собственного профессионального долга, формированием убежденности в общественной полезности осуществляемой правоприменительной деятельности. Совершение тех или иных активных действий, направленных на разрешение конкретного юридического дела, во многих случаях обуславливается сложившимися стереотипами профессиональной деятельности («так делают другие сотрудники»), стремлением извлечь личную пользу (например, получить «вознаграждение» за оказанную услугу).

Признание наличия зависимости между содержанием правосознания сотрудников ОВД и эффективностью его функционирования предполагает необходимость выявления характера такой зависимости. И здесь необходимо отметить, что и по отношению к функционированию правосознания в целом, и по отношению к осуществлению им отдельно взятых функций содержание правосознания субъектов правоприменения имеет значение важного, но не единственного фактора.

В работах, посвященных проблемам эффективности правоприменения, с полным основанием указывается на то, что она зависит от целого

¹ См.: Невирко Д.Д. Деятельность милиции в зеркале общественного мнения / Д.Д. Невирко, В.Е. Шинкевич, Н.А. Горбач // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 82.

ряда факторов, условий, различных по своему содержанию и направленности¹.

То обстоятельство, что содержание правосознания правоприменителя не является единственным фактором, оказывающим влияние на эффективность правоприменительной деятельности, в том числе осуществляемой ОВД, по нашему мнению, имеет существенное значения при решении проблем, связанных с повышением эффективности его функционирования.

Завершая рассмотрение вопроса, полагаем возможным сделать ряд важных выводов. К ним относятся следующие:

1) в рамках осуществляемой сотрудниками ОВД правоприменительной деятельности их правосознание характеризуется полифункциональностью, т.к. реализует и познавательную, и регулятивную, и творческую функции;

2) эффективность осуществления любых операций, составляющих правоприменительную деятельность, в значительной степени зависит от специфики содержания правосознания сотрудников ОВД как субъектов этой деятельности. Отдельные особенности правосознания обуславливают снижение эффективности его функционирования в целом, другие влекут за собой снижение эффективности осуществления им какой-либо одной из функций;

3) существующая зависимость между содержанием правового сознания сотрудников ОВД как субъектов применения права и эффективностью осуществляемой ими правоприменительной деятельности не носит характера детерминизма; названный фактор действует в системе множества других факторов как объективного, так и субъективного свойства.

¹ См.: Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов. Казань, 1975. С.100-106; Шикин Е.П. Основные условия эффективного применения права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. С.8-13; Швецов С.Б. Эффективность правоприменительной деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 112-114; Веркиенко Л.В. Применение права органами исполнительной власти Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 72-84 и др.

§ 2. Правосознание иных участников применения норм права органами внутренних дел как фактор, влияющий на его эффективность

Если бы правоприменение выступало исключительно односторонней государственно-властной деятельностью, рассмотрение проблемы правосознания в правоприменительной деятельности ОВД можно было бы свести к анализу функциональных проявлений правосознания сотрудников ОВД в осуществляемой ими деятельности. Однако, общепризнанным является тот факт, что правоприменительная деятельность представляет собой лишь внешнее выражение применения нормы права, в рамках ее осуществления правоприменитель неизменно взаимодействует непосредственно с адресатами нормативных правовых предписаний, а зачастую – и другими субъектами. Данное обстоятельство даже становится основанием для высказываний о том, что применение права протекает в рамках правоотношения особого типа – правоприменительного отношения.

О том, что рассмотрение правоприменения исключительно в качестве деятельности, осуществляемой правоприменителем, ведет к искажению представлений о механизме перевода нормативного правового предписания посредством его применения в реальное правоотношение, указывается в специальной литературе. Так, Е.Г. Евдокимова пишет: «Применение права является одной из форм его реализации и протекает в рамках правовых отношений. Рассмотрение применения права исключительно с точки зрения осуществления компетентными органами и должностными лицами соответствующей юридической деятельности ведет к искажению механизма защиты прав личности и института ответственности государства перед обществом»¹.

Как показывает анализ приведенного и подобных ему высказываний, негативные последствия сведения правоприменения исключительно к государственно-властной деятельности компетентных субъектов понимаются весьма ограниченно. Тот факт, что названное обстоятельство должно учитываться при разработке вопросов, связанных не только с объективной, внешней стороной применения норм права, но и внутренних, субъективных аспектов его осуществления, к сожалению, как правило, оставляется без внимания. Но это не может быть признано оправданным, поскольку правоприменительное отношение всегда представляет собой интеллектуально-волевое отношение, и уже потому, что для него волеизъявление становится отправным моментом возникновения и направляющим фактором развития.

¹ Евдокимова Е.Г. Правоприменительные отношения в сфере расследования преступлений органами внутренних дел (теоретико-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 3.

Конечно, для возникновения правоприменительных отношений, участниками которых становятся ОВД, далеко не всегда требуется волеизъявление заинтересованных участников. «В одних случаях субъекты бывают заинтересованы в правоприменительной деятельности и сознательно создают условия для ее возникновения ... в других же обстоятельствах правоприменительная деятельность может возникать вне желания отдельных заинтересованных лиц и даже вопреки их стремлению уклониться от контактов с правом, например, при привлечении виновного к ответственности»¹. Но даже в тех случаях, когда правоотношение возникает в силу одностороннего волеизъявления, помимо воли другого лица, правосознание последнего не остается безучастным к данному процессу, поскольку осуществляемая правоприменительная деятельность непосредственно затрагивает его интересы.

То обстоятельство, что, помимо самого субъекта правоприменения, в нем участвуют и другие субъекты и факт такого участия является для них вполне осознанным, обуславливает возможность говорить о том, что и их правосознание, хотя и в меньшей степени, нежели правосознание сотрудников ОВД, влияет на ход и результаты правоприменительной деятельности. При этом подобная закономерность прослеживается в любом без исключения применении права – как осуществляемом во внешней деятельности, связанной с применением норм, адресованных гражданам, так и во внутриорганизационной деятельности, управлении подразделениями и службами ОВД².

Если влияние правосознания правоприменителя на ход и результаты правоприменительной деятельности не вызывает сомнения, то воздействие на нее правосознания других участников не является для ученых столь очевидным. По большому счету, отдельные аспекты такого воздействия исследуются лишь в контексте анализа вопросов, связанных с участием различных категорий лиц в доказывании. Однако, такую активность других, помимо его субъекта, участников, которая непосредственно свидетельствует о функционировании их правового сознания, тем не менее можно обнаружить на любой стадии применения права.

На этапе установления фактических обстоятельств дела заинтересованные лица наделены правом предоставлять доказательства или иным образом удостоверять обстоятельства, подлежащие установлению, а иногда это становится и их обязанностью. Например, ст.13 Федерального закона РФ от 13 декабря 1996 г. «Об оружии» предусматривает, что для получе-

¹ Вопленко Н.Н. Реализация права. Волгоград, 2001. С. 27.

² Сразу же оговорим, что в данном исследовании акцент намеренно сделан на применение норм права, адресованных гражданам, так как в этой сфере функциональные проявления правосознания наиболее явно проявляют себя. Что касается применения норм права во внутриорганизационной деятельности, то здесь в функционировании правосознания наблюдаются те же механизмы, имеющиеся отличия.

ния лицензии на приобретение оружия гражданин Российской Федерации обязан представить в ОВД по месту жительства заявление по установленной форме, медицинское заключение об отсутствии противопоказаний к владению оружием, связанных с нарушением зрения, психическим заболеванием, алкоголизмом или наркоманией, и документ, подтверждающий гражданство Российской Федерации, а также другие документы, предусмотренные законом.

В ряде случаев участники правоприменительного производства наделены правом ходатайствовать перед субъектом применения норм права о выяснении или удостоверении тех или иных фактических обстоятельств, которые, по их мнению, имели место и имеют существенное значение для принятия законного и обоснованного решения. Более того, в ряде случаев участники правоприменения наделены правом ходатайствовать об использовании конкретных способов установления (удостоверения) соответствующих обстоятельств. Так, в уголовном процесс, в том числе и на стадии расследования уголовного дела, предусматривается возможность для его участников заявлять ходатайства в том числе и о производстве следственных действий, причем в соответствии с ч.2 ст.159 УПК РФ подозреваемому или обвиняемому, его защитнику, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела.

Очевидно, не требует специальных доказательств то, что и в первом, и во втором случае активность участника правоприменительного производства сопровождается работой его правосознания.

Обнаружить проявления правосознания участников правоприменения на стадии установления юридической основы дела в применении к деятельности ОВД несколько сложнее.

Участие в установлении фактических обстоятельств дела не является ни для кого из участников правоприменения самоцелью. Обосновывая наличие или отсутствие тех или иных фактических обстоятельств, субъект, по большому счету, отстаивает свое представление о необходимости применения в данной конкретной ситуации той или иной нормы, т.е. фактически – о необходимости той или иной юридической квалификации. Участвуя в установлении фактических обстоятельств дела, лицо старается убедить правоприменителя в том, что предлагаемое им юридическое видение фактически складывающейся ситуации (как правило, в наибольшей степени отвечающее его субъективным интересам), является единственно правильным.

Как справедливо пишет В.А. Новицкий, «...субъект доказывания в отдельных случаях обязан, а по общему правилу – это его право, указать норму необходимую к применению в данном конкретном случае. Соответ-

ственно, при таком положении субъект через действие механизма доказывания предлагает правоприменителю конкретную норму права к применению. В этом случае, действие механизма доказывания субъекта охватывает фактическую и юридическую основу дела. Как одна, так и другая, носят для правоприменителя характер рекомендательного абстрактного субъективного понимания спорного факта. Но, тем самым, ставят правоприменителя в рамки соотношения собственного видения спорного факта и его юридической квалификации с мнением субъектов доказывания по данным вопросам»¹. Таким образом, и на стадии установления юридической основы дела правосознание участников правоприменительного производства, не являющихся субъектами применения права, оказывается задействовано.

Если говорить о стадии принятия правоприменительного решения, то само решение во многих случаях зависит от заинтересованных участников правоприменительного производства. Не говоря о тех случаях, когда вынесение конкретного решения возможно только при наличии соответствующего волеизъявления лица (например, выдача водительского удостоверения осуществляется только по заявлению лица, желающего его получить²), можно обнаружить и некоторые другие проявления функционирования правосознания субъектов правоприменительных отношений с участием ОВД.

Заинтересованность в исходе юридического дела предопределяет то, что любое правоприменительное решение осмысливается его адресатами на предмет того, является ли оно: а) законным; б) справедливым; в) обеспечивающим удовлетворение их собственных интересов и потребностей. Перечисленными оценками определяется в значительной степени дальнейшая активность указанных лиц. Таким образом, и на данной стадии правосознание участников применения норм права оказывается задействовано.

Нами рассмотрены лишь основные проявления функционирования правосознания лиц, не являющихся субъектами применения норм права, в осуществляемом ОВД правоприменении. Вместе с тем, вполне очевидно, что любое действие, совершаемое участником правоприменительного производства (либо – отказ от совершения таких действий) представляет собой сознательный акт, в котором в полной мере находят свое выражение

¹ Новицкий В.А. Правоприменение: соотношение стадий применения права и проявления доказывания субъекта, их влияние на тип судопроизводства // Правовая система России: история и современность (опыт правового регулирования). Ставрополь, 2002 // <http://novizkii2.narod.ru/prav1.html>.

² П.7 Инструкции о порядке организации работы по приему квалификационных экзаменов и выдаче водительских удостоверений в подразделениях Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации: Утв. Приказом МВД России от 20 июля 2000 г. № 782, в ред. Приказов от 21 февраля 2002 г. № 148, от 1 августа 2002 г. № 720.

специфические особенности правосознания данного лица. Таким образом, правосознание в данном случае оказывается фактором, напрямую (например, когда для принятия решения требуется волеизъявление лица либо его согласие) либо косвенно (например, когда решение не зависит от волеизъявления, но субъект имеет свой интерес и отстаивает его в процессе правоприменения) влияющим на ход и результаты применения норм права.

Говоря о проявлениях отдельных функций правосознания участников правоприменения, не являющихся его субъектами, необходимо отметить следующее:

1. Познавательная функция их правосознанием в целом осуществляется аналогичным образом по сравнению с тем, как она осуществляется правосознанием сотрудников ОВД как субъектов применения права. Возникающая специфика в данном случае обуславливается разным статусом указанных субъектов в правоприменительном производстве, т.е. непосредственно различием их прав и обязанностей:

- осуществление познавательной функции правосознанием правоприменителя связано с возложенными на него обязанностями по применению норм права, иными участниками правоприменения – тем, что в процессе его осуществления затрагиваются значимые для них интересы, соответственно, это обуславливает вынужденную большую активность правового сознания последних;

- познавательные возможности правосознания иных участников применения норм права более ограничены, поскольку отсутствие у них государственно-властных полномочий значительно ограничивает круг источников поступления информации об интересующих их обстоятельствах;

- результаты оценочных суждений правового сознания иных участников правоприменения, как правило, остаются оценками «для себя» и не имеют значения для других субъектов, в том числе – сотрудников ОВД как правоприменителей.

Указанные особенности определяют косвенный характер зависимости эффективности правоприменительной деятельности ОВД от специфики функционирования правосознания участников, не являющихся субъектами правоприменения.

2. Регулятивная функция. И само возникновение правоприменительного отношения, и участие в нем не просто интеллектуально оцениваются правосознанием, но и вызывают волевые усилия личности, ее внешнюю активность (пассивность), направленные на обеспечение вынесения правоприменительного решения, отвечающего вполне определенным субъективным интересам и потребностям. Любое действие, совершаемое участником правоприменительного производства, в конечном итоге определяется целью и мотивами деятельности, конституируемыми правовым сознанием с учетом поступившей информации о состоянии правовой сре-

ды, и подобная закономерность в полной мере прослеживается в процессе применения норм права ОВД.

В процессе применения норм права регулятивная функция правосознания его участников проявляется в выборе средств и способов правового поведения, в том числе обуславливает: пассивность или активность поведения, его правомерность или противоправность, а также определяет использование конкретных способов и средств действия.

3. Творческая функция правосознания участников правоприменения проявляется в том, что каждый их поведенческий акт представляет собой творческий акт, направленный на конструирование конкретного желаемого ими состояния общественных отношений.

Помимо того, творческая функция проявляется себя и в преобразовании самого правосознания участников правоприменительного отношения. Если говорить о конкретном правоприменительном отношении и конкретных его субъектах, с полным основанием можно проследить не только зависимость между содержанием правосознания участников правоприменительного производства и эффективностью его функционирования, но и обратную связь – между функционированием правового сознания и происходящими в нем содержательными изменениями. Если рассматривать обозначенную проблему на более высоком уровне обобщения, то здесь со всей очевидностью прослеживается взаимосвязь между реализацией правосознанием своей творческой функции и формированием общественного мнения. И именно в силу того, что правосознание не только субъектов применения права, но и других его участников осуществляет творческую функцию, появляется возможность говорить о том, что правоприменение может оказывать воздействие на формирование общественного мнения, как это делает, например, С.Б. Швецов¹.

Если правосознание сотрудников ОВД как субъектов правоприменения влияет на эффективность применения норм права вследствие того, что выступает опосредующим звеном в механизме «правовая норма – правосознание правоприменителя – правоприменительное решение – правоотношение», то правосознание других участников правоприменения влияет на эффективность правоприменения в силу того, что выступает фактором, определяющим содержание и направленность их активности. Последняя приобретает существенное значение в качестве фактора, влияющего на ход и результаты правоприменительного производства, в силу того, что иным лицам предоставлена возможность участия в правоприменении и отстаивания в нем собственного интереса.

Активность правосознания участников правоприменительного производства в процессе осуществления применения норм права обуславлива-

¹ См.: Швецов С.Б. Эффективность правоприменительной деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 121-123.

ется их собственной прямой или косвенной заинтересованностью в исходе дела. В тех случаях, когда им безразлично, каким будет правоприменительное решение, они не предпринимают попыток не только активного воздействия на складывающуюся ситуацию, но и не стремятся осмыслить сам ход и результаты правоприменения. Однако в тех случаях, когда подобная заинтересованность у них присутствует, к сожалению, действовани- ем только лишь средствами, не запрещенными законом, они во многих случаях не ограничиваются.

Некоторые авторы полагают, что активность участников правоприменения является фактором, позитивно влияющим на осуществляемое ОВД правоприменение, и в этой связи логичным было бы признать, что функционирование их правосознания повышает эффективность применения права. Так, например, В.В. Кожевников высказывает следующее мнение: «Правовая активность граждан в правоприменительной деятельности органов внутренних дел чаще всего проявляется в содействии эффективной реализации норм права сотрудниками органов внутренних дел»¹.

Однако, данное утверждение представляется далеко не однозначным. Реальная возможность для участников правоприменительных отношений с участием ОВД влиять на ход и результаты осуществляемой ими правоприменительной деятельности обуславливают нередко злоупотребления с их стороны предоставленными возможностями, и данная проблема в значительной степени актуализируется с учетом особенностей российского правового сознания, его пренебрежительным отношением к позитивному праву и его установлениям. Уже сам В.В. Кожевников признает это, далее указывая: «Некоторые из участников правоприменительного процесса (в уголовном процессе, например, это — обвиняемый и подозреваемый в совершении преступления) лишь при определенных условиях (раскаянии, желании искупить свою вину, осознании своего долга и т. д.) могут совершать правоактивные действия, способствующие достижению законного результата»². Таким образом, можно говорить о правосознании участников правоприменительных отношений, заинтересованных в исходе юридического дела, как еще об одном факторе, в результате действия которого возможно возникновение правоприменительных ошибок, неадекватное воплощение правовых предписаний в индивидуальных правовых актах и возникающих на их основе отношениях.

Посредством правоприменения, осуществляемого ОВД, реализуются прежде всего охранительные нормы, в силу чего, как правило, возникает конфликт по крайней мере одного из участников правоприменительного производства с субъектом правоприменения (а нередко — также и другими заинтересованными в исходе дела участниками), и данный конфликт пред-

¹ Кожевников В.В. Правовая активность участников правоприменительной деятельности органов внутренних дел: (Вопросы теории): Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 12.

² Кожевников В.В. Указ. соч. С. 12-13.

стает как конфликт интересов. Помимо этого, в силу того, что правосознание других участников правоприменения, как правило, выступает как обыденное, а правосознание правоприменителя – как профессиональное, а также в силу различия интересов и целей толкования применяемых норм, организационной связанности сотрудников ОВД как субъектов применения права и отсутствия таковой у других лиц, нередко возникает также конфликт правовых позиций между субъектом правоприменения и другими его участниками.

Вполне логично предположить, что возникающий конфликт неизбежно выступает фактором, негативно сказывающимся на ходе правоприменения, а в конечном счете – и его результатах. Конфликт между правосознанием правоприменителя и иных участников правоприменительного отношения, в основе которого лежат разные интересы или разное интеллектуальное и эмоциональное восприятие одной и той же юридически значимой ситуацией, может оказаться и негативно воздействующим на эффективность применения права фактором. Так, например, даже использование такого правомерного средства защиты собственных интересов в уголовном судопроизводстве, как отказ обвиняемого от дачи показаний, выступает фактором, существенно снижающим эффективность правоприменения, поскольку препятствует правильному и полному установлению фактических обстоятельств дела.

Но с другой стороны, поскольку диалектика признает конфликты источником движения, развития, возникновение конфликтного взаимодействия может быть рассмотрено как движитель правоприменительного процесса, фактор, обеспечивающий более эффективное решение промежуточных задач (правильное установление фактических обстоятельств и норм, подлежащих установлению, вынесение справедливого и законного решения) и конечной цели – обеспечения воплощения предписаний правовых норм в конкретных общественных отношениях. Собственно говоря, во многих случаях, возникающий конфликт на практике и имеет именно такое, позитивное значение. Так, например, обжалование прокурору незаконного, с точки зрения потерпевшего, решения о прекращении уголовного дела может привести к отмене такого решения в случае, если его незаконность действительно будет установлена. В данном случае активное функционирование правосознания участника правоприменительного производства со всей очевидностью выступает фактором, позитивно влияющим на эффективность правоприменения.

Таким образом, невозможно дать однозначную оценку возникающим в силу специфики правосознания участников правоприменительной деятельности ОВД конфликтов с точки зрения значения для применения норм права.

Последствиями конфликтной ситуации могут с равной вероятностью стать:

А) правомерная активность участников правоприменения как позитивный фактор, оказывающий на него влияние

- внесение ходатайств;
- обжалование действий и решений субъекта применения права вышестоящему начальнику, в органы прокуратуры или суд;
- предоставление доказательств фактических обстоятельств, подлежащих установлению.

Б) противоправная активность указанных лиц как негативный фактор

- противодействие полному и объективному установлению фактических обстоятельств дела, без чего не может быть принято законное и обоснованное решение;

- противоправное воздействие на других участников правоприменительного производства и субъекта, его осуществляющего;
- неисполнение правоприменительных решений.

Следует отметить, что если рассматривать исследуемую проблему чисто гипотетически, то вероятность как правомерного, так и противоправного поведения участников правоприменения в связи с возникновением конфликтной ситуации равновелика. Однако, специфика российского правового сознания, присущие ему характеристики, в том числе нигилистичность, отсутствие установки на правомерное поведение, отсутствие уважительного и доверительного отношения к представителям власти обуславливают то, что в большинстве случаев предпочтение отдается неправомерным способам действия как в большей мере обеспечивающим возможность достижения собственного интереса. Таким образом, возникновение конфликта между правосознанием сотрудника ОВД как субъекта правоприменения и другими участниками последнего в силу специфики российского правосознания влечет в подавляющем большинстве случаев негативное значение для применения норм права.

Не несет в себе позитивного значения для правоприменительной деятельности, осуществляемой ОВД, в ряде случаев также отсутствие противоречий между интеллектуальным и эмоциональным восприятием фактических и юридических обстоятельств дела субъектом правоприменения и другими его участниками. Неверие в то, что юридическое дело действительно будет разрешено законно и справедливо, обуславливает нередко неправомерность активности заинтересованных в его исходе лиц, вопреки существующей у них возможности своими правомерными действиями оказать существенное содействие субъекту правоприменения (прежде всего – в установлении фактических обстоятельств дела). В результате опять же возникает серьезная возможность ошибок в правоприменении, влекущая за собой снижение эффективности правоприменения.

Проблема зависимости эффективности осуществляемого органами внутренних дел применения норм права от особенностей правосознания его участников, не являющихся субъектами правоприменения, является

весьма сложной и многогранной, и ей в силу этого даже может быть посвящено самостоятельное исследование. Но даже проведенного краткого анализа в рамках исследования проблемы более общего характера достаточно для того, чтобы сделать ряд важных выводов:

1) одним из факторов, оказывающим существенное влияние на эффективность правоприменительной деятельности ОВД, наряду с содержанием правосознания самих сотрудников ОВД как субъектов применения норм права выступает специфика правового сознания иных его участников, определяемая в первую очередь особенностями российского общественного правосознания;

2) правосознание иных участников правоприменительных отношений, возникающих в ходе осуществления органами внутренних дел правоприменительной деятельности, характеризуется полифункциональностью, как и правосознание самого правоприменителя. В силу этого связь между содержанием правосознания иных участников правоприменения и эффективностью последнего носит сложный характер: как и в случае с правосознанием сотрудников ОВД, наряду с особенностями, обуславливающими специфику осуществления правосознанием иных участников правоприменения отдельных функций, имеются черты, сказывающиеся на функционировании правосознания в целом;

3) активность в правоприменении правосознания участников, не являющихся его субъектами, является фактором, весьма не однозначно влияющим на эффективность правоприменительной деятельности ОВД. С одной стороны, она содействует эффективному применению норм права, с другой стороны, препятствует ему. Негативная роль правосознания в системе факторов, влияющих на правоприменительную деятельность ОВД, существенно увеличивается в силу содержательных особенностей российского общественного правосознания;

4) степень зависимости эффективности правоприменительной деятельности от содержательных особенностей правосознания иных участников во многом определяется:

- во-первых, степенью активности таких лиц в отстаивании собственного интереса в рамках осуществляемого органами внутренних дел правоприменения, причем вне зависимости от того, является ли такой интерес правомерным,

- во-вторых, степенью остроты конфликта, возникающего между правосознанием правоприменителя и иных участников правоприменительного отношения в силу различия интересов или разного интеллектуального и эмоционального восприятия ими одной и той же юридически значимой ситуацией.

§ 3. Возможности и направления оптимизации функционирования правосознания в правоприменительной деятельности органов внутренних дел

Исследование вопросов, касающихся правосознания в правоприменительной деятельности ОВД, приобретает практическую ценность только лишь при условии, когда становится основой решения обусловленных его особенностями проблем, негативно сказывающихся на эффективности такой деятельности. В этой связи в качестве самостоятельной следует рассматривать задачу выявления существующих возможностей оптимизации функционирования в применении норм права ОВД правосознания его субъектов и других его участников.

По не вполне понятным причинам проблема повышения эффективности правоприменения, в том числе – осуществляемого сотрудниками ОВД, далеко не всегда рассматривается в контексте взаимосвязей, существующих между содержанием правосознания его участников и конечными результатами правоприменительной деятельности.

Так А.Ф. Виноградов, рассматривая административно-юрисдикционную деятельность в качестве одного из видов правоприменительной деятельности ОВД, к условиям ее эффективности относит: отражение в правовых предписаниях закономерностей развития общества; наличие систематизированного и стабильного законодательства; информированность адресатов о содержании правовых запретов и санкций; оперативность производства по делам об административных правонарушениях; процедуру рассмотрения дела и наложения взыскания; стабильность административно-карательной практики и реальность исполнения санкций; режим законности в правоприменительной деятельности; неотвратимость ответственности и справедливость применяемых взысканий; сочетание административной ответственности с иными мерами социального контроля; авторитет органа внутренних дел»¹.

Также достаточно распространенным является подход, при котором эффективность правоприменительной деятельности ОВД ставится в зависимость от отдельных, частных содержательных характеристик правового сознания – общества в целом либо участников конкретного правоприменительного производства.

Например, В.В. Кожевников перечисляет следующие «условия, оказывающие определенное влияние на профессионально-правовую активность сотрудников органов внутренних дел и одновременно на эффективность их правоприменения»: общие (экономический и политический строй общества, его культура, в том числе правовая, и др.) и специальные (каче-

¹ Виноградов А.Ф. Теоретические и практические аспекты оценки эффективности административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел // Административная ответственность. М., 2001. С. 93.

ство законодательства (уголовного, уголовно-процессуального, об органах внутренних дел и об оперативно-розыскной деятельности, административного и др.), нормы которого реализуются в процессе правоприменения, а также определяют правовой статус сотрудника органов внутренних дел; общественное мнение об органах внутренних дел; научно обоснованные критерии эффективности правоприменения в органах внутренних дел; научную организацию труда сотрудников, основной деятельностью которых является правоприменение; микроклимат коллектива правоохранительного органа, в рамках которого осуществляется правоприменение; материально-техническое обеспечение правоприменительного процесса; правовую активность граждан в правоприменительном процессе; профессиональную культуру сотрудников органов внутренних дел, иные качества данных лиц (физическая подготовка, общая культура и т. п.). При этом В.В. Кожевников подчеркивает, что основным условием в ряду перечисленных является качество законодательства¹.

Ни первый, ни второй подход, по нашему мнению, не может быть признан оправданным в связи с тем, что их использование приводит к существенному искажению представлений о самом механизме, обеспечивающем перевод нормативного правового предписания в индивидуальное решение, а затем – регулируемое отношение, а также о роли в данном механизме правового сознания.

В тех случаях, когда наличие связи между правосознанием сотрудников ОВД и эффективностью осуществляемой ими правоприменительной деятельности все же прослеживается, она сводится к тому, что деформации правосознания сотрудников ОВД негативно сказываются на эффективности их деятельности. При этом само понятие «деформации» трактуется весьма широко, фактически им охватываются любые свойства правосознания, представляющие собой отклонения от того состояния, которое тем или иным ученым рассматривается как эталонный образец, идеал, довольно часто объективно не достижимый.

Так, например, М.М. Ардавов в своем диссертационном исследовании доказывает, что «наиболее существенное сдерживающее влияние на эффективность применения милицией административно-правовых средств оказывают: а) различные формы деформации правосознания сотрудников милиции и б) недостатки в материально-техническом и организационном обеспечении их деятельности», причем, по его мнению, «первую группу факторов образуют такие явления, как: недооценка сотрудниками милиции силы закона; отсутствие у сотрудников милиции чувства защищенности; неуверенность сотрудников милиции в принципиальности и неподкупности должностных лиц, принимающих участие в административном процес-

¹ Кожевников В.В. Правовая активность участников правоприменительной деятельности органов внутренних дел: (Вопросы теории): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 19-21.

се; неуверенность работников милиции в возможности противостоять групповым, массовым правонарушениям в случае их возникновения; некоторые предрассудки работников милиции, связанные с национально-правовыми и национально-психологическими традициями»¹.

В данном случае речь явно идет о неких реально присущих правосознанию сотрудников ОВД свойствах, которые, по мнению самого же автора, не соответствуют идеальной модели. При этом не вполне понятным остается, почему именно данные свойства и почему именно в качестве деформаций рассматриваются, а также каким именно образом они негативно воздействуют на эффективность правоприменительной деятельности, осуществляемой ОВД, и главное, какие следствия для решения проблемы повышения эффективности правоприменительной деятельности ОВД из этого могут быть выведены.

По нашему представлению, подобный подход также нецелесообразен. Во-первых, эффективность применения норм права зависит от правосознания не только сотрудников ОВД как субъектов, его осуществляющих, но и других участников правоприменения. Во-вторых, сама возможность говорить о деформациях правосознания как о неких отклонениях от нормы весьма сомнительна, что уже было, на наш взгляд, достаточно убедительно обосновано.

Признание правосознания важнейшим фактором, оказывающим влияние на эффективность применения норм права, обуславливает возможность и необходимость определения средств, позволяющих обеспечить такое его функционирование, которое приведет к правомерной активности всех участников правоприменительного отношения. При этом речь идет именно об активности, отвечающей требованиям позитивного права, поскольку именно его нормы и реализуются в правоприменительной деятельности ОВД, а также регулируют порядок осуществления такой деятельности.

Для того, чтобы выявить возможные направления решения сформулированной задачи, необходимо определить, какие вытекающие из специфики самого правосознания и особенностей его функционирования в правоприменении, осуществляемом ОВД, особенности объективно приобретает процесс такого обеспечения.

Исходя из методологических посылок, обозначенных нами в первой главе диссертационного исследования, а также принимая во внимание выводы, изложенные во второй главе, считаем, что принципиальное значение имеют следующие обстоятельства:

1. несмотря на то, что целью выступает непосредственно оптимизация функционирования правосознания в правоприменительной деятельно-

¹ См.: Ардавов М.М. Эффективность административно-правовых средств принуждения, применяемых милицией: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1998. С. 7.

сти, оно может быть обеспечена только за счет изменения содержания правового сознания. Содержание функций, выполняемых правовым сознанием, неизменно, но результаты его функционирования определяются непосредственно содержательными особенностями правового сознания. Очевидно, именно названным обстоятельством объясняется то, что любые исследования правосознания, в которых в той или иной постановке поднимается вопрос об оптимизации его функционирования, содержат выводы о необходимости изменения именно содержательных характеристик правового сознания¹;

2. правосознание является не единственным фактором, влияющим на эффективность правоприменительной деятельности, даже при условии его оптимального содержания можно обнаружить обстоятельства, снижающие эффективность его функционирования в правоприменении, осуществляемом ОВД. В силу этого значение целенаправленного воздействия на само правосознание не должно абсолютизироваться; его необходимо рассматривать в качестве лишь одного из элементов системы мер, направленных на повышение эффективности правоприменительной деятельности ОВД. Тем не менее, оно представляет собой неотъемлемый элемент данной системы, без воздействия на который вся система будет бездействующей;

3. пределы возможного воздействия на правосознание не беспредельны, что определяется:

- социально-исторической и культурной его обусловленностью;
- присутствием в правосознании смыслообразующих идей как базисной его составляющей, крайне сложно поддающейся воздействию и в то же время оказывающей определяющее влияние на другие содержательные единицы правосознания;
- тесным взаимодействием правового сознания с другими формами общественного сознания.

Таким образом, «идеальное» состояние правосознания объективно недостижимо, а значит, повышение эффективности его функционирования в правоприменении² должно обеспечиваться не только за счет целенаправленного воздействия на него, но и принятием специальных мер, обеспечивающих нейтрализацию тех его особенностей, которые негативно сказываются на эффективности правоприменительной деятельности;

¹ См.: Коробка В.Н. Деформация профессионального правосознания следователей органов внутренних дел: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1999. С. 110-137; Сафронов В.В. Правосознание гражданина: Дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 79-91; Щедрин О.Г. Этнические особенности русского правосознания: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С.111-142 и др.

² Здесь и далее по тексту под эффективным функционированием правосознания мы будем понимать такое функционирование, которое обеспечивает адекватное воплощение нормативных правовых предписаний в индивидуальном правовом решении и возникающем на его основе (регулируемом им) правоотношении.

4. в качестве объекта целенаправленного воздействия недопустимо рассматривать только лишь правосознание сотрудников ОВД как субъектов, осуществляющих применение норм права; следует учитывать влияние на его ход и результаты правосознания других лиц, участвующих в нем. Если принимать во внимание последнее обстоятельство, а также то, что в правосознании сотрудников ОВД как субъектов применения права неизменно присутствует общесоциальный компонент, можно предположить, что в первую очередь объектом целенаправленного воздействия следует рассматривать общественное правосознание.

С учетом всего изложенного необходимо вести речь о двух магистральных направлениях повышения эффективности правоприменительной деятельности ОВД, непосредственно увязанных с особенностями функционирования правосознания в правоприменении. Первое направление – целенаправленное воздействие на само правосознание, имеющее своей целью такое изменение его содержательных характеристик, которое способно обеспечить более эффективное его функционирование. При этом в рамках обозначенного направления речь должна идти не только о целенаправленном воздействии на правовое сознание сотрудников ОВД, но и в первую очередь – о воздействии на общественное правосознание в целом. Второе направление – создание специальных механизмов, которые, действуя в рамках самого правоприменения, обеспечивали бы снижение негативного воздействия на ход и результаты правоприменительной деятельности содержательных свойств функционирующего в ней правосознания.

Обобщая все изложенное в рамках данного параграфа, следует обратить внимание на следующие основные моменты:

1. характер зависимости между функционированием правосознания в правоприменении и эффективностью последнего свидетельствует о том, что деятельность по оптимизации функционирования правосознания в правоприменительной деятельности ОВД следует рассматривать лишь как один из элементов системы мер, направленных на повышение эффективности этой деятельности;

2. оптимизация функционирования правосознания в правоприменительной деятельности ОВД не исчерпывается воздействием на правосознание, она должна обеспечиваться двумя видами разнонаправленных средств:

а) воздействием, обеспечивающим изменение самого содержания правосознания – как общественного правового сознания в целом, так и специального компонента в правосознании сотрудников ОВД как субъектов применения норм права,

б) созданием специальных механизмов, которые позволяют предупредить негативные для хода и результатов правоприменительной деятельности ОВД последствия, возникающие вследствие особенностей правосознания субъектов применения права и других его участников;

3. тот факт, что эффективность правоприменительной деятельности ОВД во многом определяется особенностями функционирующего в ней правосознания, предопределяет необходимость учитывать данный субъективный фактор при выборе и осуществлении любых мер, имеющих своей целью повышение эффективности такой деятельности.

§ 4. Воздействие на правосознание и повышение эффективности его функционирования в правоприменительной деятельности органов внутренних дел

Профессиональное правосознание, помимо специального, включает в себя общесоциальный компонент, который и является в нем ведущим, определяющим. На ход и результаты применения норм права оказывает влияние правосознание не только сотрудников ОВД как его субъектов, но и других лиц, в нем участвующих. Названные обстоятельства позволяют предположить, что на эффективность функционирования правосознания в правоприменительной деятельности в значительной степени может повлиять именно изменение состояния общественного правосознания. Соответственно, именно общественное правосознание в первую очередь и должно рассматриваться в качестве объекта воздействия при осуществлении мер, направленных на оптимизацию функционирования правосознания в правоприменении.

Имеется ряд важных моментов, которые, по нашему мнению, являются определяющими при выборе средств и методов воздействия на общественное правосознание:

1. приводящие к снижению эффективности правоприменительной деятельности ОВД проблемы, связанные с особенностями функционирования в ней правосознания, не обуславливаются содержательными особенностями правосознания, возникающими именно в связи с осуществлением лицом правоприменительной деятельности либо его участием в такой деятельности. Эти проблемы связаны с проявлениями тех свойств и качеств правосознания, которые присущи последнему вне зависимости от сферы его функционирования. Как отмечают Н.Н. Вопленко и А.П. Рожнов, «в правоприменительной практике наиболее выпукло и зримо проявляются основные тенденции общественной жизни ... Она служит своеобразным индикатором назревших потребностей социального развития, сигнализируя как о позитивных, так и негативных процессах государственно-правовой жизни»¹. Представляется, что сделанное утверждение в полной мере может быть отнесено к такому правовому явлению как правосознание;

2. правосознание представляет собой довольно сложную систему, которая отнюдь не однозначно реагирует на осуществляемые в отношении нее воздействия, антиинтуитивно по своей природе. С учетом указанной особенности необходимо проявлять особую осторожность в суждениях об эффективности тех или иных средств воздействия на правовое сознание, многие из которых уже применялись в общественной практике (или при-

¹ Вопленко Н.Н. Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции / Н.Н. Вопленко, А.П. Рожнов. Волгоград, 2004. С. 3.

меняются в настоящее время) и в то же время не обеспечили достижение желаемого эффекта;

3. весьма точным является указание на то, что «по сути, внутреннее изменение правосознания, возможно, только самим правосознанием»¹. Но при этом нельзя отрицать, что такие изменения способны происходить под воздействием внешних факторов, в том числе – и искусственно, специально создаваемых. Отрицание последнего означало бы признание того, что правосознание может иметь только внутренние источники развития, а это противоречит представлениям о его социально-исторической и культурной обусловленности.

Тем не менее, воздействие внешних факторов не может оцениваться иначе как опосредованное, и опосредующим фактором в данном случае следует признать не что иное как внутреннюю работу самого правового сознания. Это имеет два следствия. Во-первых, при определении средств воздействия на правовое сознание должна учитываться не только конечная цель – изменение содержательных характеристик правового сознания, но и цель промежуточная – обеспечение такой внутренней работы правосознания, которая может подобными изменениями произвести. Во-вторых, в зависимости от содержательных особенностей правового сознания влияние на него одних и тех же внешних факторов может приводить к разным результатам, поэтому при выборе средств воздействия необходимо принимать во внимание специфику самого правового сознания.

С учетом изложенного, перейдем непосредственно к рассмотрению средств воздействия на общественное правовое сознание, способных обеспечить его более оптимальное функционирование в правоприменительной деятельности ОВД.

Традиционной методологической посылкой, которой руководствуются ученые, рассматривая проблемы правового сознания, является то, что изменение его содержания возможно в результате целенаправленного воздействия – правового воспитания в узком его понимании. Указывают, что правовое воспитание направлено на формирование правосознания личности «без дефектов», т.е. с таким содержанием, которое соответствует представлениям о его идеальных характеристиках. При этом исходят из того, что достижение идеала затрудняется вследствие действия факторов внешней среды, которые выступают объективными условиями формирования правового сознания личности (в этой связи можно говорить о правовом воспитании в широком смысле). Важнейшее место в ряду объективных условий, влияющих на формирование правового сознания, отводится действующему праву и практике его реализации.

¹ Байниязов Р.С. Философия правосознания: Постановка проблемы // Правоведение. 2001. № 5. С. 13.

По нашему мнению, сложившиеся в отечественной правовой науке представления о сущности воздействия на правовое сознание и месте в нем правового воспитания вызывают достаточно серьезные сомнения в своей обоснованности.

Прежде всего, антиинтуитивность правового сознания обуславливает невозможность навязывания обществу тех или иных идей, ценностей в результате целенаправленного воспитательного воздействия. Конечный результат этого воздействия может оказаться непредсказуемым.

Помимо того, существенная роль в осуществлении правового воспитания в юридической литературе отводится государству¹, но уже в силу специфического понимания российским правовым сознанием роли государства в жизни человека и характера их взаимоотношений достаточно сложно предположить, что воспитательные меры, осуществляемые государством могут быть достаточно эффективными: российское общественное сознание вообще с осторожностью и недоверием относится ко всему тому, что исходит от государства, рассматривая это как чуждое обществу.

Если говорить о возможности осуществления воспитательного воздействия на правовое сознание негосударственными субъектами, то и она, на наш взгляд, является весьма призрачной. Организации гражданского общества в современной России, опять же в силу специфики общественного правосознания, пассивны, нередко создаются и функционируют по инициативе самого государства. Сами же граждане весьма неохотно участвуют в их деятельности – во многом вследствие того, что не связывают с деятельностью негосударственных организаций возможность каких-либо реальных изменений общественной жизни. Важнейшим элементом, а одновременно и условием существования гражданского общества признается свободный индивид, поскольку само гражданское общество представляет собой «такое социальное пространство, в котором люди взаимодействуют относительно свободно, без непосредственного вмешательства государства»². Но российскому общественному правосознанию идеалы свободы в целом чужды, а вследствие этого и сфера относительной свободы от вмешательства государства весьма ограничена.

¹ См.: Акимова Т.И. Правовое воспитание как один из факторов формирования правового сознания // Формирование личности посредством юридического образования: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, 16 мая 2003 г. Тамбов, 2003. С. 39-45; Певцова Е.А. Правовое воспитание и формирование правосознания в России // Журнал российского права. 2003. № 10. С. 122-133; Хрючкина И.В. Правосознание, правовая культура и правовое воспитание / И.В. Хрючкина, А.И. Лагунова. Красноярск, 2002 и др.

² Кожевников С.Н. Гражданское общество: понятие, основные признаки, предпосылки формирования в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Гражданское общество, государство и право в переходный период. Серия: Право. Вып. 1 (5). С. 40.

В силу изложенного создание независимой от государства системы правового воспитания, которое предлагает, например, О.Г. Щедрин¹, следует признать на сегодня неэффективным средством разрешения существующих проблем. Особенно с учетом того, что, по мнению указанного автора, «фактически на данный момент возможность создания такой «правовоспитательной» системы есть только у юридических вузов»², последние же в большинстве своем являются государственными.

При исследовании детерминант воздействия на общественное правовое сознание существенная роль традиционно отводится самому праву и правовой (правореализационной) деятельности³. Это служит основанием для выводов о том, что изменения общественного правосознания возможны за счет изменения позитивного права и совершенствования практики его реализации. Попробуем разобраться, насколько подобное мнение является обоснованным.

Нельзя не признавать того, что, поскольку человек существует в окружающей его правовой реальности, его правовое сознание не может не испытывать на себе ее воздействие, и в этом смысле право и правореализационную деятельность действительно следует признать факторами, влияющими на содержание общественного правового сознания. Однако одновременно и само объективное право, и практика его реализации в то же время во многом зависят от правового сознания, идеального видения мира, на что постоянно указывается правоведами. Так, например, С.С. Алексеев пишет о том, что господствующее правосознание является «важным ориентиром в правотворческой и правоприменительной деятельности компетентных государственных органов, существенным критерием при толковании права и при восполнении пробелов в нем»⁴. В.С. Нерсесянц отмечает: «От уровня развитости профессионального (юридического) правосознания, от содержания и характера, присущих ему юридикоценностных установок и ориентации во многом зависит качество деятельности государственного аппарата и в целом надлежащее осуществление государственных функций»⁵.

То обстоятельство, что связь между правовой реальностью и правосознанием носит взаимный характер, признается и правовой философией. Например, Г.Н. Глиос пишет: «Роль правосознания в правовой сфере бы-

¹ Щедрин О.Г. Этнические особенности русского правосознания: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С.150-151.

² Там же. С. 151.

³ См.: Власова Ю.Б. Взаимодействие права и идеологии в современных условиях (на материалах Российской Федерации): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 6; Ямбушев Ф.Ш. Правовое сознание в механизме правового регулирования общественных отношений: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 72 и др.

⁴ Алексеев С.С. Теория права. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М., 1995. С. 204.

⁵ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 1999. С. 272.

тия социума заключается в том, что, с одной стороны оно отражает существующую правовую реальность и закономерную реакцию субъектов. А с другой стороны, сознание населения идущее от традиционных основ жизни, формирует правовую жизнь общества»¹.

Таким образом, признание изменения права и правореализационной практики средством воздействия на правосознание фактически порождает порочный круг: изменение правосознания возможно под воздействием правовой реальности, но изменения последней зависят от изменений правосознания. А о том, что разорвать подобный круг на практике оказывается достаточно сложно, наглядно свидетельствует проблема правового нигилизма. Неверие в право возникает в силу того, что на практике оно не демонстрирует в полном объеме способностей к регулированию общественных отношений. Следовательно, для того, чтобы искоренить названную черту правового сознания, необходимо повысить эффективность регулятивного воздействия самого права. Но право не может действовать более эффективно до тех пор, пока его нормативы не будут восприняты правовым сознанием как социально оправданные и полезные, т.е. как безусловная ценность. Единственным выводом, который может быть сделан при подобном понимании характера взаимосвязи правосознания с объективным правом и практикой его реализации – это вывод о принципиальной неразрешимости проблемы оптимизации правового сознания за счет изменения правовой действительности.

С учетом приведенных аргументов полагаем возможным согласиться с утверждением, что «объективное право (в особенности практика его реализации) влияет на правосознание, меняя определенным образом его содержательную сторону (правовые определения, установки, идеи, убеждения, настроения, чувства и т. д.), но не может в имманентно-сущностном плане фундаментально изменить правовое сознание. Здесь возможна частичная, но не полная и глубинная перестройка»².

Перечисление мнений относительно того, какие меры могут привести к желаемым изменениям самого содержания правового сознания, но на самом деле по объективным причинам оказываются неспособными обеспечить достижение необходимого эффекта, можно продолжить. Но подобный анализ не является самоцелью, а призван показать бесперспективность многих высказываемых в юридической литературе предложений по рассматриваемому вопросу.

Работа правосознания начинается лишь тогда, когда сама правовая реальность перестает соответствовать ее идеальному видению. Именно тогда «нормальное правосознание начинает испытывать «ненормированные»

¹ Глиос Г.Н. Социально-философский анализ правосознания переходного периода в постсоветской России: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2007. С. 10.

² Байниязов Р.С. Философия правосознания: Постановка проблемы // Правоведение. 2001. № 5. С. 12.

перегрузки и сомнения, вследствие чего возможно даже желание отойти от соответствующих стратегических ориентиров и приоритетов»¹. В подобных условиях и становится возможным предпринять специальные меры, направленные на активизацию работы правосознания, задать конкретное направление его работы. Однако, тем не менее, подобную деятельность скорее следует рассматривать не как целенаправленное воспитательное воздействие, а как создание благоприятных условий трансформации правового сознания.

Следует отметить, что в современный период «ненормированные» перегрузки правосознания, о которых как о факторе, влекущем за собой изменения в нем самом, говорит Р.С. Байниязов, в полной мере проявляют себя, а тенденции, свидетельствующие о внутренней работе общественного правосознания по собственному преобразованию, в полной мере прослеживаются. Подтверждением тому становятся выявляемые различными авторами противоречия между традиционными, ментальными установками правового сознания и содержательными характеристиками, появившимися в нем в последнее время². Явным подтверждением существующей тенденции служит и неустойчивость современного российского правового сознания³.

Представляется, что наблюдаемые тенденции в российском общественном правосознании позволяют охарактеризовать современный период развития как весьма благоприятный для наиболее существенной его перестройки. Соответственно, если сегодняшний момент будет упущен, возможность в последующем какими-либо средствами оказать воздействие на его содержание, может оказаться под сомнением.

Специфика современного российского правосознания свидетельствует о необходимости поиска путей трансформации самих смыслообразующих идей правового сознания. И решением данной проблемы, как нам представляется, может стать поиск таких идей, в которые, с одной стороны, могли бы быть трансформированы существующие идеи, и которые бы, с другой стороны, могли стать интегрирующим началом других смысловых единиц, находящихся свое выражение в российском правосознании.

Представляется, что такими идеями могли бы стать идеи гуманизма и справедливости. Во-первых, они уже присутствуют в российском правосознании, хотя и не являются в нем смыслообразующими. В этой связи не требуется «внедрения» этих идей в правовое сознание, существующую

¹ Там же. С.20.

² См.: Гирько А.А. Влияние российского менталитета на правовое сознание граждан в современных условиях: Дис. ... канд. философ. наук. Ставрополь, 2006. С. 118; Мамитов Н.В. Конституционное правосознание в российском обществе как фактор реализации конституционных идей в России // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 4. С. 13 и др.

³ См.: Ямбушев Ф.Ш. Указ. соч. С.48.

систему его смысловых единиц. Необходимо лишь создать благоприятные условия для того, чтобы, содержательно трансформировавшись, названные идеи повысили свою значимость, стали базовыми по отношению к другим идеям. Во-вторых, указанные идеи в полной мере согласуются с такими содержательными единицами общественного правового сознания, которые появились в нем в постперестроечный период. Наконец, в-третьих, названные идеи во многом созвучны уже присущим российскому правовому сознанию смыслообразующим идеям. Идея справедливости как идея о следовании должному, признание которого вытекает не из его юридической закреплённости, а из его общепризнанности, во многом перекликается с идеей правды, а идея милости «является логическим следствием религиозно-нравственного понимания справедливости, ее итогом и целью»¹; тесная взаимосвязь прослеживается также между идеями милости и гуманизма.

Следует отметить, что в отечественной правовой науке на сегодняшний день достаточно активно разрабатывается вопрос, касающийся средств и методов трансформации общественного правосознания, в том числе – преодоления возникших в нем в постперестроечные годы противоречий². Вместе с тем, по нашему глубокому убеждению, в силу того, что правосознание испытывает на себе воздействие целого ряда объективных и субъективных факторов, каждый из которых влияет на его содержание, в рамках правовой теории принципиально невозможно дать ответ на вопрос о том, каким образом возможно обеспечить такую внутреннюю работу правового сознания, которая бы обеспечила его трансформацию. Для его решения требуются глубокие знания в совершенно различных областях науки: экономике, политологии, социологии, психологии, юриспруденции и т.д., и в силу этого его постановка имеет смысл только в рамках специального комплексного исследования, в котором правосознание изучалось бы именно как многоаспектное явление, с использованием целого комплекса общенаучных и частнонаучных приемов и методов.

Что касается правовой теории, то ее роль в решении обозначенной выше задачи может быть сведена лишь к выявлению проблемных моментов, которые обуславливаются тем, что правосознание представляет собой идеальное явление, существующее в системе других явлений правовой

¹ Малахов В.П. *Философия права*. М., 2002. С.415.

² См.: Гулипп А.А. *Деформационные процессы в правосознании гражданского населения в постсоветский период*: Дис. ... канд. юрид. наук. Кострома, 2005. С. 119-129; Рябцев Р.А. *Современная правовая реформа в России и правосознание (теоретико-правовые проблемы изменения правосознания граждан)*: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005. С. 80-149; Стругова Е.В. *К вопросу о формировании правосознания в современной России // Современные проблемы борьбы с преступностью: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции*. Ч.1. Воронеж, 2003. С. 129-130; Сорокин А.Г. *Проблема правосознания в современном российском обществе и пути его возрождения // Право и образование*. 2004. № 2. С. 181-191 и др.

действительности, и определению возможных юридических путей решения выявленных проблем.

При этом все же окончательное решение вопроса как о степени значимости существующих проблем, так и об эффективности юридических путей их разрешения, в силу системного характера взаимосвязи факторов, участвующих в формировании правового сознания личности и общества в целом, все же возможно только в рамках комплексного исследования правового сознания.

Нам представляется, что проведенный анализ свидетельствует о том, что проблема воздействия на правосознание как средства оптимизации его функционирования в правоприменительной деятельности ОВД оказывается в значительной мере лежащей за рамками настоящего исследования.

Вопрос об оптимизации правосознания сотрудников ОВД, как правило, сводится к рассмотрению проблемы целенаправленного правовоспитательного воздействия. Содержание выводов, к которым приходят ученые, при этом, как правило, сводится к следующему:

- воздействие осуществляется (или по крайней мере, наиболее эффективно, когда осуществляется) специальными органами и должностными лицами, выступающими субъектами управления (руководителями ОВД и их структурных подразделений, кадровыми работниками), а также специальными учебными заведениями, осуществляющими профессиональную подготовку кадров для ОВД;

- предпринимаемые меры должны быть научно обоснованными и должны быть направлены на устранение деформаций правового сознания сотрудников ОВД;

- необходимо в первую очередь повышать уровень правовых знаний (правовой образованности) сотрудников ОВД.

Практика показывает, что подобный подход, находящий свою реализацию в том числе и в практической деятельности, на сегодняшний день не позволяет повысить эффективность функционирования правосознания сотрудников ОВД в осуществляемой ими правоприменительной деятельности.

Ошибочным следует признать суждение о возможности целенаправленного воспитательного воздействия на сотрудников ОВД специальными субъектами – уже в силу признания базовым в профессиональном правосознании его общесоциального компонента. Если рассматривать правовое воспитание как «интенсивное воздействие на сознание и психологию воспитуемых ... с целью формирования у них глубоких устойчивых представлений, знаний и убеждений, а также привития им высокой правовой культуры, навыков юридического общения, отвечающих уровню и требовани-

ям современного общества»¹, то придется признать его заведомую неэффективность, поскольку устойчивые представления, знания и убеждения» у сотрудников ОВД уже сформированы, посредством же специальных мер их возможно лишь в некоторой, весьма ограниченной мере скорректировать.

Также ошибочными являются представления о том, что повышение эффективности функционирования правосознания сотрудников ОВД в осуществляемой ими правоприменительной деятельности возможно за счет устранения присущих ему деформаций. В связи с тем, что вопрос о самой возможности говорить о деформациях правосознания сотрудников ОВД нами уже рассматривался, нет необходимости еще раз повторять приведенные доводы. Отрицание возможности говорить о деформациях объективно снимает вопрос об их устранении.

Помимо этого, считаем, что сама возможность посредством принятия мер, направленных на устранение единичных причин, приводящих к снижению эффективности функционирования правосознания сотрудников ОВД в осуществляемой ими правоприменительной деятельности, является сомнительной. Интересные и главное, полностью совпадающие с нашими собственными практическими наблюдениями, доводы, это подтверждающие, приводит П.П. Баранов. Он пишет: «Когда в системе возникают некоторые нежелательные эффекты, администратор (начальники, руководители), не имея возможности охватить все явления в целом, старается устранить нежелательные эффекты, воздействуя только на относительно «близкие» причины, способные немедленно давать положительные результаты. Однако изменение кратковременных тенденций, как бы они ни были обнадеживающими, могут зачастую в конечном счете только усугубить наблюдающиеся эффекты»². И далее: «Наблюдая, как обычно строится стратегия борьбы против нарушений законности в органах внутренних дел, деформацией правового сознания личного состава, его политико-правового воспитания, приходится констатировать, что ... в ответ на обострение ситуации следует активизация организованных мероприятий, расширение дисциплинарной и уголовно-правовой репрессии, прорабатывание на собраниях и совещаниях, пропагандистские выступления в печати, по телевидению и т.п. Реагирование направляется на самые доступные принципы и обязательно ориентируется на самую скорую отдачу от принимаемых мер. Обычно кривая нарушений в таких случаях ползет вниз, затем происходит

¹ Гаврилин С.А. Методы и формы воздействия на правосознание слушателей, обучающихся в вузах МВД России // Гуманитарные науки и юридическое мировоззрение: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Белгород, 2003. С. 99.

² Баранов П.П. Теория систем и системный анализ правосознания личного состава ОВД. Ростов-на-Дону, 1997. С. 61.

адаптация системы к введенным новшествам, после чего все возвращается «на круги своя»¹.

Представляется, что изложенное в полной мере объясняет неэффективность проводимой на сегодняшний день политики по улучшению состояния правосознания сотрудников ОВД как субъектов правоприменительной деятельности, направленность которой по большому счету определяется стремлением устранить отдельно взятые негативные явления и тенденции.

Мнение о решающем значении уровня правовых знаний для обеспечения эффективного функционирования правосознания сотрудников ОВД во многом коренится в ошибочном признании правовой идеологии ведущим компонентом правового сознания.

Н.М. Трофимова и Т.М. Занина указывают: «Ядром общественного правосознания является правовая идеология. Имея под собой научную основу, правовая идеология более активно влияет на формирование правового осознания, чем правовая психология, которая складывается под влиянием повседневных условий существования людей, является результатом их практической деятельности и потому носит много случайного, личного»². В то же время бесспорно, что «психологический аспект юридического сознания не всегда играет второстепенную роль по отношению к правовой теории (идеологии), что наиболее ярко проявляется в ходе реализации нормативно-правовых актов»³.

С учетом изложенного, можно прийти к выводу о том, что повышение уровня правовых знаний не может обеспечить кардинального изменения функционирования правосознания сотрудников ОВД в осуществляемой ими правоприменительной деятельности. «Здоровое правосознание не сводится только к знанию правовых предписаний. Оно включает добровольность приятия и соблюдения их как проявлений ясного ума и совести. Человек, обладающий здоровым правосознанием, не только знает, чему повинует, но и руководствуется внутренним убеждением в необходимости и правильности такого подчинения»⁴. Соответственно, увеличение уровня правовой образованности влечет повышение эффективности правоприменительной деятельности только при условии уважения позитивного права, осознания собственной ответственности за их адекватное воплощение в реальные общественные отношения. В тех случаях, когда таковые отсутствуют, «знание позитивного права без понимания и призна-

¹ Там же. С. 61-62.

² Трофимова Н.М. Формирование нравственно-правового сознания молодежи / Н.М. Трофимова, Т.М. Занина. Воронеж, 2006. С. 63.

³ Байниязов Р.С. Правосознание: психологические аспекты // Правоведение. 1998. № 3. С. 16.

⁴ Шумова Ю.В. Философский анализ генезиса правосознания: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Челябинск, 2007. С. 18.

ния его смысла и истинного назначения является лишь формальностью, открывающей путь к поиску «обходных путей»¹.

Повышение уровня правовых знаний приводит к изменению только лишь юридического компонента, не затрагивает естественно-правовой компонент, который и составляет ядро правового сознания. В силу этого не изменяются многие чувства, идеи и т.п. Существующие противоречия между естественно-правовым и юридическим компонентом при этом лишь усугубляются.

Представляется, что стимулирующим свойством в первую очередь обладают не правовые знания, а убежденность в разумности правовых норм и необходимости неукоснительной реализации их предписаний, и данное обстоятельство должно стать исходным для определения мер, позволяющих обеспечить желаемые изменения в содержании специального компонента профессионального правосознания сотрудников ОВД.

Как отмечает Р.А. Кузнецов, регулятивная функция профессионального правосознания юристов осуществляется посредством правовых установок и ценностных ориентаций, синтезирующих в себе все иные источники правовой активности. Результат этой регуляции – поведенческая реакция в виде, как правило, правомерного поведения². Приведенное наблюдение видится весьма точным, за исключением того, что результатом регуляции выступает, как правило, правомерное поведение юриста: последнее утверждение скорее позволяет охарактеризовать идеальное, желаемое, но отнюдь не реальное функционирование правосознания в практической юридической деятельности. Вместе с тем, если говорить о содержательных единицах профессионального правового сознания, в наибольшей степени влияющих на поведение правоприменителя, то практика свидетельствует, что таковыми выступают как раз не правовые знания, а правовые установки и ценностные ориентации.

Однако если ценностные установки личности, как правило, в основе своей остаются неизменными и потому выступают составными элементами общесоциального компонента профессионального сознания, то правовые установки находят свое выражение и в специальном компоненте. Следовательно, содержательные изменения профессионального правового сознания возможны в первую очередь именно посредством формирования соответствующих поведенческих установок на основе усвоения ценности права.

Правовая установка представляет собой деонтический стереотип психологической структуры личности, определяющий ее готовность к деятельности и выступающий в качестве своеобразной «настройки» всех структурных элементов правосознания действовать в соответствии с тре-

¹ Шумова Ю.В. Указ. соч. С. 19.

² Кузнецов Р.А. Деформация профессионального правосознания юристов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 21.

бованиями правовой нормы¹. И в силу этого именно правовые установки способны оказать существенное воздействие на эффективность функционирования правосознания сотрудников ОВД в процессе осуществления ими правоприменительной деятельности.

Если говорить непосредственно о содержании правовых установок, способных обеспечить более эффективное функционирование правосознания сотрудников ОВД в ходе правоприменительной деятельности, необходимо отметить, что:

- во-первых, для эффективного функционирования правосознания сотрудников ОВД чрезвычайно важным становится формирование у них установки на безусловную приоритетность принципа законности при выборе средств и методов правоприменительной деятельности, а также определении сущности самого правоприменительного решения. При этом законность должна пониматься буквально – как строгое неукоснительное следование закрепленным в законах, а также не противоречащих им иным нормативных правовых актах предписаниям. При этом требования закона ни в коем случае не должны отождествляться с неофициальными их толкованиями теми или иными субъектами;

- во-вторых, необходимо формирование установки на то, что любая модель поведения в процессе осуществления правоприменительной деятельности, любое принимаемое решение должны определяться не чувствами и эмоциями, а получать рациональное обоснование с точки зрения знаний о сущности действующего позитивного права и его требованиях;

- в-третьих, в этой связи необходимо формирование установки на постоянное повышение сотрудниками ОВД уровня собственной правовой образованности. «...Признание права, как общественно необходимого явления, без знания его формальной стороны является абсурдным: пределы допустимого и недопустимого поведения становятся условными тогда как общественная жизнь предполагает общественный порядок существования»²;

- в-четвертых, существует потребность в формировании установки на то, что осуществляемая правоприменительная деятельность должна быть нацелена на получение социально-полезного результата. Представляется, что именно подобная установка во многом обеспечит столь необходимую для эффективного применения норм права связь мотивации сотрудников ОВД «с качеством защиты прав и свобод граждан»³.

Формирование позитивных правовых установок как центральное направление воздействия на профессиональное правосознание сотрудников

¹ Щербакова Н.В. Проблемы правовой установки личности. Ярославль: Ярославский университет, 1993. С. 19.

² Шумова Ю.В. Указ. соч. С. 18-19.

³ Из выступления Президента РФ В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД РФ 17.02.2006 г. // Щит и меч. 2006. № 8 (1024).

ОВД должно дополняться иными мерами, способствующими оптимизации его функционирования в правоприменительной деятельности. В частности, необходимой мерой следует признать повышение уровня правовой культуры сотрудников ОВД, а именно тех ее элементов, которые непосредственно связаны с осуществлением профессиональной деятельности: «а) культура принятия социально-правовых решений, включая определение стратегии борьбы с преступностью, планирование, принятие конкретных решений различного характера; б) культура исполнительской деятельности, включая правильный сбор способов и приемов реализации решений, соблюдения всех законов и подзаконных актов, регламентирующих правоохранительную деятельность, последовательность в проведении ориентации на социально-полезный конечный результат; в) культура социального общения, включая организацию взаимодействия участников борьбы с преступностью, контакты с населением, проведение профилактической работы»¹.

Немаловажное значение для повышения эффективности функционирования правосознания сотрудников ОВД в осуществляемой ими правоприменительной деятельности имеет также развитие правового мышления сотрудников ОВД. Анализ тематических планов прикладных дисциплин, изучаемых в вузах МВД РФ, например, оперативно-розыскной специализации, свидетельствует об их определенной жесткости, консерватизме по отношению к процессам оперативной обстановки. Традиционный набор тем далеко не всегда позволяет изучить вопросы, актуальность которых определяется тем, что ОРД, как и любая другая правоприменительная деятельность, осуществляемая сотрудниками ОВД, в современных условиях требует проявления творческих способностей правового сознания, умения нестандартно мыслить в нестандартных ситуациях, требующих своего юридического разрешения. Учебный материал на сегодня организован таким образом, что профессиональная подготовка открывает доступ к юридическому знанию, но практически не развивает навыки правового мышления, выступающего важнейшим инструментом, без которого невозможно эффективное использование знания.

С учетом специфики правоприменительной деятельности ОВД в процессе профессиональной подготовки особое внимание в рамках изучения любой юридической дисциплины должно уделяться, в частности, развитию навыков правового мышления:

- в конфликтных ситуациях, связанных с применением норм права, в том числе – наиболее острых, характеризующихся возникновением непосредственной угрозы жизни и здоровью самих сотрудников ОВД или других лиц;

¹ Жалинский А.Э. Социально-правовое мышление: проблемы борьбы с преступностью. М., 1989. С. 171.

- в ситуациях, когда сведения о фактических обстоятельствах юридического дела, подлежащего разрешению, минимальны, либо традиционные источники их получения недоступны;

- в нестандартных ситуациях, когда правовые нормы, указывающие на способ их разрешения, отсутствуют, либо характеризуются пробельностью и противоречивостью;

- в ситуациях, когда в противоречие с требованиями закона, определяющими сущность правоприменительного решения или порядок его вынесения, вступают предписания, содержащиеся в ведомственных нормативных правовых актах, либо толкования вышестоящих руководителей, представителей надзорных и контролирующих органов.

Подводя итоги по проблеме воздействия на правосознание как самостоятельного направления оптимизации его функционирования в правоприменительной деятельности ОВД, считаем необходимым акцентировать внимание на следующих сделанных выводах:

1. трансформация правосознания не может быть эффективной, если осуществляется посредством специальных мер, направленных непосредственно на изменение содержания правового сознания: в силу антиинтуитивности правосознания прямое воздействие на него во многих случаях приводит к результату, противоположному ожидаемому. Поскольку любые изменения происходят в результате работы самого правосознания, необходимо создать благоприятные условия для того, чтобы его работа проходила в нужном направлении и была успешной;

2. проблема преодоления специфики современного российского правового сознания, негативно сказывающейся на эффективности правоприменительной деятельности ОВД, лежит в русле мировоззренческих проблем более общего характера. Для ее разрешения требуется создание таких благоприятных условий работы правосознания, которые обеспечили бы становление в нем в качестве смыслообразующих идей гуманизма и справедливости. Разработка средств и методов решения сформулированной задачи не может осуществляться исключительно в рамках правовой науки, поскольку требует привлечения инструментария экономики, политологии, социологии и целого ряда других наук;

3. эффективность функционирования правосознания сотрудников ОВД как субъектов применения норм права не может быть обеспечена за счет повышения уровня правовой образованности, на сегодняшний день решение этой задачи требует формирования позитивных правовых установок. Такое воздействие должно быть дополнено мерами, направленными на повышение правовой культуры сотрудников ОВД, а также развитие их правового мышления.

§ 5. Юридическое обеспечение оптимального функционирования правосознания в правоприменительной деятельности органов внутренних дел

Возможности воздействия на правосознание объективно ограничены. Такое воздействие представляет собой весьма сложный длительный процесс. В связи с этим полагаем и в теоретическом, и в практическом плане полезным рассмотреть вопрос о юридических средствах, способных обеспечить адекватное воплощение предписаний правовых норм в поведении участников правоприменительных отношений вопреки препятствующим ему особенностям правосознания субъектов правоприменения и других участвующих в нем лиц.

По нашему мнению, всю совокупность таких средств по критерию содержания и характеру воздействия на механизм «правовая норма – правосознание правоприменителя (других участников правоприменения) – правоприменительное решение – правоотношение» можно подразделить на следующие относительно однородные группы:

- 1) специальные требования к сотрудникам ОВД как субъектам применения права, а также иным лицам, для которых участие в правоприменении связано с выполнением профессиональных обязанностей;
- 2) нормативное правовое регулирование правоприменительной деятельности ОВД по разрешительному типу;
- 3) процедурно-процессуальные правила правоприменительной деятельности (правоприменительная процедура как организационное выражение всех составляющих применение норм права действий);
- 4) контроль и надзор за ходом и результатами применения норм права ОВД;
- 5) меры юридической ответственности за недобросовестное исполнение обязанностей в рамках осуществляемой правоприменительной деятельности, либо злоупотребление предоставленными правами.

Рассмотрим каждую из обозначенных групп.

Специальные требования. Представления о том, какими качествами должен обладать сотрудник ОВД для того, чтобы эффективно осуществлять возложенные на него функции по применению норм права, в значительной степени субъективны. Однако в то же время имеется ряд требований, которые общественным сознанием рассматриваются как неперемennые условия беспристрастности и добросовестности правоприменителя. Возможность проследить зависимость между нормативным закреплением и реализацией подобных требований и эффективностью правоприменительной деятельности позволяет рассматривать их в качестве важных юридических средств, обеспечивающих эффективность применения норм права вопреки некоторым негативно влияющим на него особенностям правосознания его субъектов.

Если говорить непосредственно о сотрудниках ОВД, то такие требования в самом общем виде закреплены в Законе РФ «О милиции» (ст.ст. 19, 20) и Положении о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (ст.ст. 8-10). Для отдельных категорий сотрудников, выполняющих в системе ОВД особые функции, ведомственными нормативными документами устанавливаются дополнительные требования. Так ряд специфических требований, предъявляемых к сотрудникам отрядов милиции особого назначения (ОМОН), закрепляется п. 1.10 Типового положения об отряде милиции особого назначения органов внутренних дел Российской Федерации.

Наряду с общими требованиями, предъявляемыми к сотруднику ОВД как субъекту, на которого возложены функции по применению норм права, к нему могут предъявляться также особые требования, в зависимости от соблюдения которых ставится возможность его участия в отдельном правоприменительном производстве.

Так очевидным фактом является то, что эффективность правоприменительной деятельности существенно повышается при условии отсутствия личной заинтересованности правоприменителя. В силу этого УПК РФ прямо устанавливается запрет участвовать в производстве по уголовному делу для следователя (дознавателя) в случаях, когда он, например, является близким родственником или родственником любого из участников производства по данному уголовному делу (п. 3 ч. 1 ст. 61).

То, что те же самые обстоятельства могут стать причиной неэффективного осуществления своих функций лицами, специально привлекаемыми сотрудниками ОВД для участия в применении норм права (например, экспертами или специалистами), предопределяет установление аналогичных требований и по отношению к этим лицам. Что немаловажно, никаких условий участия в правоприменении лиц, отстаивающих в нем свои законные интересы, не устанавливается.

Рассматривая специальные требования как юридическое средство, способное существенно повысить эффективность правоприменительной деятельности ОВД за счет нейтрализации негативно сказывающихся на ее ходе и результатах особенностей правосознания, важно учитывать целый ряд обстоятельств, снижающих их действенность:

- во-первых, могут быть установлены лишь самые общие, самые очевидные требования, призванные предотвратить только наиболее явные отклонения в механизме правоприменения, но на самом деле причины таких отклонений весьма разнообразны;

- во-вторых, за соблюдением установленных требований должен быть установлен достаточно жесткий контроль, поскольку только при этом условии высока вероятность их реального исполнения. Но правосознание лиц, призванных подобный контроль осуществлять (руководителей служб и подразделений, а также сотрудников кадровых аппаратов), по большому

счету характеризуются теми же негативными чертами, что и правосознание других сотрудников ОВД. В силу этого возможность эффективного осуществления подобного контроля в значительной степени снижается;

- в-третьих, самым общественным сознанием нарушение предъявляемых к сотрудникам ОВД требований рассматривается зачастую как неправомерное, несправедливое, но, тем не менее, вполне привычное явление, бороться с которым невозможно. Иными словами, к допускаемым нарушениям требований общественное правосознание остается индифферентно, никоим образом не участвуя в их искоренении.

Нормативное правовое регулирование правоприменительной деятельности ОВД по разрешительному типу. Одной из специфических черт, характеризующих нормативную правовую регламентацию осуществляемой ОВД правоприменительной деятельности, является то, что она построена по формуле «запрещено все кроме того, что прямо разрешено». Использование разрешительного типа правового регулирования в данном случае позволяет строго ограничить объем полномочий сотрудника ОВД как субъекта правоприменения, обеспечив строгую связанность его действий нормативными правовыми предписаниями.

Конечно, данный тип правового регулирования в некоторой степени препятствует проявлениям инициативы, самостоятельности в решении стоящих перед сотрудниками ОВД задач, что вполне может привести к негативным последствиям, и прежде всего в так называемых «нетипичных» ситуациях правоприменения. Вместе с тем, особенно при условии, что любой выход правоприменителя за рамки нормативно дозволенного влечет применение к нему предусмотренных законом санкций, он позволяет избежать своеволия при выборе методов и способов решения стоящих перед правоприменителем задач, а также при вынесении им правоприменительного решения.

Признание того, что регулирование правоприменительной деятельности ОВД по разрешительному типу выступает значимым средством повышения эффективности такой деятельности, делает необходимым постановку и решение вопроса о возможности в целях обеспечения более высокой эффективности применения норм права полностью исключить усмотрение сотрудников ОВД как его субъектов.

По нашему мнению, полностью исключить возможность усмотрения правоприменителя невозможно, поскольку там, где отсутствует необходимость в творческом решении спорного юридического дела, а требуется механический перевод правовой нормы в фактическое отношение, необходимость правоприменения как таковая отсутствует. Там же, где применение норм права является единственным возможным или желательным способом реализации правовых норм, без усмотрения правоприменителя при его осуществлении обойтись невозможно.

Помимо этого, полагаем вполне разумным довод, приводимый В.В. Поповым: «... желание устранить правоприменительное усмотрение, даже если это желание основано на самых чистых побуждениях, никак не может воплотиться в действительно рациональную концепцию, обосновывающую реализуемость устранения этого усмотрения»¹. Любые попытки устранить правоприменительное усмотрение посредством связывания правоприменителя учетом намерений субъекта правотворчества, принципов права, общепринятых ценностей или любым другим способом открывают лишь дополнительные возможности обоснования того или иного варианта решения, представляющегося субъекту применения права предпочтительным.

Процедурно-процессуальные правила. Установление и реализация специальных процедурно-процессуальных требований к применению норм права (процедуры правоприменения) на протяжении многих лет рассматривается в качестве далеко не последнего по своей значимости средства повышения эффективности правоприменительной деятельности².

Соглашаясь с подобной оценкой, считаем необходимым подчеркнуть, что установление процедурно-процессуальных правил не является самоцелью. Их действенность в качестве средств повышения эффективности правоприменения во многом зависит от их содержания, иначе говоря, имеет значение не сам факт их установления, а их реальная способность обеспечить решение задачи нейтрализации имеющих негативное значение для хода и результатов правоприменительной деятельности особенностей правосознания. Как следствие, важное значение приобретает вопрос об эффективности процедурно-процессуального регламентирования.

На сегодняшний день имеется достаточно много работ, посвященных проблемам процедурно-процессуального регламентирования, причем в них, как правило, достаточно обстоятельной разработке подвергается проблема условий эффективности юридических процедур. Например, В.Н. Протасов выделяет 8 различных условий эффективности правовых процедур³. О.В. Лазарева детально описывает 10 основных требований к юридической процедуре, которые по своему содержанию фактически выступают условиями ее эффективности⁴.

Вместе с тем, как мы полагаем, далеко не все условия даже из числа перечисленных вышеназванными авторами действительно имеют существенное значение для обеспечения эффективности правоприменительных

¹ Попов В.В. Обыкновенная правоприменительная деятельность: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С.91.

² См.: Сапун В.А. Социалистическое правосознание и реализация советского права. Владивосток, 1984. С.73-74; Вопленко Н.Н. Реализация права. Волгоград, 2001. С. 25 и др.

³ Протасов В.Н. Модель надлежащей правовой процедуры: теоретические основы и главные параметры // Советское государство и право. 1990. № 7. С. 18-20.

⁴ Лазарева О.В. Правовая процедура. Саратов, 2004. С. 39-63.

процедур. Так, например, В.Н. Протасов в качестве одного из условий эффективности правовых процедур рассматривает закрепление их нормами того же уровня, что и нормы, которые процедура должна обеспечивать, указывая, что «несоблюдение этого требования способно снизить авторитет процедуры, что, в свою очередь, отражается на ее эффективности. Кроме того, это чревато искажением норм закона, ибо подзаконные процедурные акты зачастую имеют ведомственный характер, наконец, больше вероятности, что процедурный акт отстанет во времени от основного»¹. Однако, как представляется, приведенные доводы не являются достаточно убедительными, более того, далеко не всегда целесообразно закреплять процедурные правила нормами той же юридической силы, какую имеют нормы, реализуемые посредством соответствующей процедуры. В частности, вполне очевидно, что не имеет никакого смысла закреплять в Конституции РФ процедурные нормы, определяющие порядок реализации закрепленного ч.2 ст.46 права на обжалование действий (или бездействий) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц. Точно так же невозможно обнаружить достаточно веских аргументов для того, чтобы детально регламентировать на уровне федерального законодательства порядок выдачи подразделениями организации лицензионно-разрешительной работы ОВД лицензий частным детективам. Необходимость соблюдения принципа конспирации, закрепленного ст.3 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» обуславливается невозможность регламентировать на законодательном уровне процедурно-процессуальные правила осуществления оперативно-розыскных мероприятий, достаточно активно проводимых отдельными подразделениями ОВД в процессе применения ими норм права.

С учетом характера связи, существующей между правосознанием и правоприменением, того, что любая процедура должна прежде всего обеспечивать недопущение возможности проявления своеволия субъекта правоприменения или других его участников, считаем возможным в качестве основных условий эффективности правоприменительной процедуры рассматривать следующие требования:

1. процедурные правила должны в первую очередь распространяться именно на деятельность субъектов применения права, деятельность других участников правоприменения они могут затрагивать лишь в той мере, в какой направлены на обеспечение недопущения злоупотреблений предоставленными им правами (например, способными привести к неправильному установлению фактических обстоятельства дела, а как следствие – вынесению незаконного и несправедливого решения);

¹ Протасов В.Н. Указ. соч. С. 18.

2. степень детализации поведения участников правоприменения должна быть оптимальной. С одной стороны, установление процедурных требований должно обеспечивать возможность достижения реального эффекта, с другой стороны, те негативные последствия, которые могут быть вызваны их применением (например, увеличение срока рассмотрения дела или сокращение возможностей влияния на конечное содержание правоприменительного решения заинтересованных участников), должны нести ущерб меньший, чем предполагаемые позитивные последствия (например, снижение вероятности неполного установления фактических обстоятельств дела или неправильного выбора нормы, подлежащей применению).

Л.А. Алексеева, на примере ОВД исследуя проблемы эффективности правоприменительной деятельности, в своей работе обосновывает мнение о том, что в основу анализа эффективности правоприменительной деятельности органов внутренних дел должен быть положен подход, при котором понятие «эффективность» будет рассматриваться в комплексе «цель - средства - результаты (соотношение социальной пользы и возможного общественного вреда)»¹. Представляется, что тот же подход в полной мере применим и для оценки эффективности любой процедуры применения норм права ОВД. Предполагая, что как недостаточная четкость процедуры, так и ее излишняя детализированность могут существенно снизить эффективность правоприменительной деятельности, необходимо соотносить ожидаемый эффект от детализации процедуры с возможными негативными последствиями ее использования. Процедура, с одной стороны, должна быть достаточной для того, чтобы существенно снизить вероятность произвола со стороны правоприменителя, а также злоупотребления другими лицами предоставленными им правами, с другой стороны, избегать излишней детализации, которая ведет к бюрократизации и затягиванию срока разрешения юридического дела;

3. процедурные нормы должны быть сами защищены от нарушений надежными юридическими гарантиями, в противном случае ими можно будет просто пренебречь.

В научной литературе, в публикациях в периодических изданиях, постоянно поднимается вопрос о необходимости разработки или совершенствования тех или иных правоприменительных процедур². Безусловно, са-

¹ Алексеева Л.А. Соотношение социальной и юридической эффективности правоприменительной деятельности (на примере органов внутренних дел): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 8.

² См.: Тихий Р.С. Проблемы правового регулирования административных процедур в Российской Федерации (регионально-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. С. 99-177; Мельгунов В.Д. О некоторых вопросах совершенствования процедуры рассмотрения дел об административных правонарушениях // Административная ответственность: вопросы теории и практики. М., 2005. С. 208-212; Химичева Г.П. Возбуждение уголовного дела: проблемы правовой регламентации и совершенствования

мо по себе совершенствование процедурных норм выступает важным средством повышения эффективности правоприменения. Однако его значение нельзя абсолютизировать, поскольку установление детальных процедурных правил применения норм права сотрудниками ОВД не является панацеей, даже самые жесткие правила не будут эффективными в случае их неисполнения.

В условиях низкого уровня правового сознания, неуважения закона любой процедурой можно пренебречь, реализовать ее формально. С другой стороны, излишняя регламентация процедурно-процессуальных аспектов правоприменительной деятельности ОВД изначально несет негативный социальный заряд как бюрократическая, воспринимается общественным сознанием как обращенная не против произвола субъектов применения права, а создающая препятствия на пути реализации субъективных прав и обязанностей тех лиц, в отношении которых осуществляется применение норм права. Соответственно, существенно повышается вероятность ее несоблюдения.

В подобных условиях соблюдение процедуры может быть обеспечено только за счет установления реального контроля над ее исполнением.

Контроль и надзор. Контроль и надзор в теории права достаточно часто рассматриваются в качестве способов обеспечить повышение эффективности правоприменительной деятельности¹, и с нашей точки зрения подобное их понимание не требует дополнительного аргументирования.

Рассматривая контроль и надзор в качестве важных средств нейтрализации негативных для хода и результатов правоприменительной деятельности особенностей правосознания, тем не менее, нужно учитывать, что их эффективность в данной роли на сегодня не может быть признана достаточно высокой. И это во многом обуславливается спецификой правосознания самих должностных лиц, наделенных контрольно-надзорными полномочиями. Поскольку их правосознание выступает носителем традиционных для российского общества идей и ценностей, нередко те потенциальные возможности повышения эффективности правоприменения, которые изначально заложены в механизмах контроля и надзора, на практике не реализуются. В частности, например, поскольку эффективность их осуществления во многом зависит от того, носит ли контрольно-надзорная деятельность² инициативный характер, негативным фактором становится

ния деятельности // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. 2003. № 2. С. 180-205 и др.

¹ См.: Веркиенко Л.В. Применение права органами исполнительной власти Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 85; Смирнов В.В. Применение права как форма реализации правоохранительной функции аппарата государственной власти (теоретико-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 165 и др.

² За исключением, пожалуй, контрольной деятельности суда как органа, занимающего специфическое место в механизме государства.

та же пассивность субъектов такой деятельности, что не позволяет сотрудникам ОВД прилагать необходимые усилия для выявления обстоятельств, свидетельствующих о необходимости применения норм права.

Кроме того, следует обратить внимание на то обстоятельство, что лица, принимающие участие в применении норм права ОВД, нередко не обращаются в соответствующие органы за защитой собственных прав, поскольку, с одной стороны, их правосознание само по себе пассивно, а с другой стороны, они не верят в возможность пересмотра решения.

Помимо перечисленных, существуют и другие проблемы, отрицательно сказывающиеся на эффективности контрольно-надзорной деятельности. Не имея возможности рассмотреть их все, что определяется ограниченностью рамок диссертационной работы, укажем лишь, что в полной мере можем согласиться с общим видением проблемы, данным С.В. Рыбак: «Существующая сегодня система контроля и надзора не отражает в полной мере потребности практики, она в достаточной степени абстрагирована от жизни. В ее основе ... лежит идея тотального контроля. Поэтому она работает преимущественно только на себя и в меньшей степени интересуется положением вещей на контролируемых объектах. <...>Что касается системы внутриведомственного контроля, то она довольно сложна и в некоторой степени даже запутана. Из анализа существующего законодательства и ряда исследований по данной проблематике - не удастся обнаружить какую-либо упорядоченность в ее организации»¹.

Общий вывод, который может быть сделан на основании изложенного, состоит в том, что эффективность контроля и надзора как юридических средств также не является абсолютной.

Меры юридической ответственности в идеале являются достаточно эффективными средствами, влияющими на ход и результаты применения права ОВД с учетом той специфической роли, которую играет в нем правовое сознание.

Как правило, такие меры устанавливаются по отношению к самому правоприменителю, либо лицам, для которых участие в правоприменительном производстве связано с выполнением их профессиональных функций. Однако, в отдельных случаях они устанавливаются и в отношении других участников правоприменения, при этом, как показывает анализ таких мер, находящихся свое закрепление в действующем российском законодательстве, по своим основаниям они существенно отличаются от мер юридической ответственности, устанавливаемых в отношении правоприменителей. Они предусматриваются только лишь за совершение умышленных действий, влекущих за собой реальную возможность вынесения незаконного и несправедливого решения, и только лишь тогда, когда их

¹ Рыбак С.В. Органы внутренних дел в механизме обеспечения прав и свобод граждан: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1999. С. 160-161.

совершение причиняет вред непосредственно другим участникам правоприменения.

Следует отметить, что помимо непосредственного влияния на эффективность конкретного правоприменительного производства в тех случаях, когда они применяются в связи с совершением деяний, за которые предусмотрены, меры ответственности оказывают также опосредованное воздействие на эффективность применения норм права ОВД за счет воздействия на правосознание участвующих в нем лиц. Во многом именно стремлением активизировать предупредительное воздействие на правосознание объясняется возложение на субъектов, осуществляющих применение норм права, обязанности разъяснять другим его участникам негативных юридических последствий тех или иных действий, а вовсе не тем, что в правоприменительной деятельности ОВД не действует общеправовая презумпция «незнание закона не освобождает от ответственности».

Говоря об эффективности относящихся к рассматриваемой группе юридических средств нейтрализации негативно влияющих на ход и результаты правоприменительной деятельности особенностей правосознания ее субъектов применения и других его участников, необходимо отметить, что их действенность во многом снижается в силу господства правового нигилизма, неуважительного отношения к действующему законодательству, а также подмены правомерности целесообразностью.

О.А. Малышева в своем диссертационном исследовании обосновывает точку зрения о том, что усиление репрессивных аспектов уголовно-правовых и уголовно-процессуальных мер не приводит к снижению уровня преступности, а наоборот, обуславливает ухудшение (особенно в перспективе) криминогенной обстановки в стране¹. И действительно, ужесточение мер ответственности на сегодняшний день не является эффективной мерой, так как в специфических условиях, характеризующих российское правовое сознание, в частности, присутствием ему неуважению позитивного права, сами меры ответственности во многом остаются на бумаге, не действуют.

Зачастую причиной тому становится уже отмеченная ранее нами тенденция к применению не нормы закона, а ее толкования авторитетным субъектом.

С учетом изложенного напрашивается вывод о том, что и действенность мер юридической ответственности как средства решения задачи нейтрализации негативно влияющих на эффективность правоприменительной деятельности свойств правового сознания не является абсолютной.

То, что ни один из рассмотренных видов средств, в том числе с учетом специфики российского правосознания, не может быть признан в пол-

¹ Малышева О.А. Современная уголовная политика российского государства и ее реализация на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2006. С. 13.

ной мере эффективным, и их действенность далеко не всегда можно повысить за счет изменения содержания самих таких средств, имеет важное следствие: предпринимаемые меры должны носить комплексный характер, быть взаимодополняемыми. В частности, установление специальных процедурных правил имеет смысл только при условии установления и реализации мер ответственности за их несоблюдение, а установление контроля и надзора – при условии формализации порядка его осуществления, установления процедуры его осуществления.

Помимо того, выявленные зависимости между особенностями российского общественного правосознания и эффективностью рассмотренных выше средств позволяют утверждать, что результативность их применения повышается при условии одновременного воздействия на содержание правового сознания и общества в целом, и сотрудников ОВД как субъектов осуществления правоприменительной деятельности.

Проведенный анализ юридического обеспечения оптимального функционирования правосознания в правоприменительной деятельности ОВД позволяет сделать следующие выводы:

1. Юридические средства, позволяющие обеспечить в правоприменении адекватное воплощение предписаний правовых норм вопреки отдельным особенностям функционирующего в нем правосознания, разнообразны по своему содержанию и механизму воздействия на ход и результаты применения норм права. При этом всегда существуют факторы, связанные как с особенностями самого правосознания и его функционирования, так и со спецификой самих средств, снижающие эффективность таких средств.

2. Результативность юридического обеспечения эффективного применения норм права ОВД может быть существенно повышена при условии одновременного, комплексного применения разнонаправленных средств. Реализация мер, призванных обеспечить нейтрализацию особенностей правосознания, негативно сказывающихся на ходе и результатах правоприменительной деятельности ОВД, должно сопровождаться воздействием на само правовое сознание.

Заключение

Проведенное исследование правосознания в качестве важного фактора, влияющего на ход и результаты правоприменительной деятельности органов внутренних дел, позволило сделать ряд важных с теоретической и практической точки зрения выводов, а именно:

1. В процессе правоприменительной деятельности правосознание сотрудников ОВД непрерывно осуществляет познавательную, регулятивную и творческую функции, в значительной степени определяя ход и результаты правоприменения на любой его стадии. При этом, однако, зависимость между содержанием правосознания и эффективностью правоприменения, в рамках которого оно функционирует, не носит абсолютного характера в силу наличия ряда иных опосредующих факторов.

2. Тезис о том, что на ход и результаты правоприменительной деятельности органов внутренних дел значительное влияние оказывает правосознание не только сотрудников ОВД как субъектов правоприменения, но и других лиц, выступающих участниками правоприменительного производства, в полной мере находит свое подтверждение. Причем, что важно отметить, такое влияние прослеживается на любой стадии правоприменения. Как и правосознание сотрудников ОВД, правосознание других участников правоприменения, характеризуется полифункциональностью.

3. То обстоятельство, что зависимость хода и результатов правоприменения от особенностей правосознания его субъектов, а также других участников не является абсолютной, предопределяет необходимость рассматривать деятельность по оптимизации функционирования правосознания в правоприменительной деятельности ОВД лишь в качестве одного из элементов в системе мер, направленных на повышение эффективности такой деятельности.

4. Проблема оптимизации функционирования правосознания в правоприменительной деятельности ОВД не может быть сведена к проблеме устранения деформаций правового сознания ее участников, тем более – деформаций профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел. И особенности самого правового сознания, и специфика их влияния на эффективность правоприменения предопределяют то, что такая оптимизация в современных условиях должна обеспечиваться одновременно:

а) средствами, обеспечивающими содержательные изменения в самом правовом сознании, причем речь идет как об общественном правовом сознании в целом, так и о специальном компоненте в правосознании сотрудников ОВД как субъектов применения норм права;

б) средствами, обеспечивающими нейтрализацию негативных для хода и результатов правоприменительной деятельности ОВД последствий,

возникающих вследствие особенностей правосознания субъектов применения права и других его участников.

5. Изменение содержания правосознания не может быть осуществлено за счет правового воспитания в узком его понимании. Антиинтуитивность правового сознания предопределяет то, что желаемые содержательные трансформации возможны только за счет создания благоприятствующих внутренней работе самого правового сознания условий, сопровождающихся ненормированными перегрузками такого сознания.

6. В современных условиях проблема преодоления специфики современного российского правового сознания, негативно сказывающейся на эффективности правоприменительной деятельности ОВД, лежит в русле мировоззренческих проблем более общего характера. Для ее разрешения требуется обеспечить такую работу правосознания, следствием которой окажется становление в нем в качестве смыслообразующих идей гуманизма и справедливости. В этом случае функционирование правосознания в правоприменительной деятельности ОВД позволит обеспечить точное воплощение реализуемых нормативных правовых предписаний в индивидуальных правовых решениях и возникающих на их основе правоотношениях.

7. Несостоятельными являются представления о способности оптимизировать функционирование правосознания сотрудников ОВД как субъектов применения права за счет повышения уровня их правовых знаний. Оптимизация общесоциального компонента в их правовом сознании может стать лишь результатом изменения общественного сознания в целом, оптимизация специального компонента возможна за счет формирования позитивных правовых установок, дополненных мерами, направленными на повышение правовой культуры сотрудников ОВД, а также развитие их правового мышления.

8. Существует достаточно большое количество юридических средств, позволяющих оптимизировать функционирование правосознание в правоприменительной деятельности ОВД. К ним могут быть отнесены:

а) специальные требования к сотрудникам ОВД как субъектам применения права, а также иным лицам, для которых участие в правоприменении связано с выполнением профессиональных обязанностей;

б) нормативное правовое регулирование правоприменительной деятельности ОВД по разрешительному типу;

в) процедурно-процессуальные правила правоприменительной деятельности (правоприменительная процедура как организационное выражение всех составляющих применение норм права действий);

г) контроль и надзор за ходом и результатами применения норм права ОВД;

д) меры юридической ответственности за недобросовестное исполнение обязанностей в рамках осуществляемой правоприменительной деятельности, либо злоупотребление предоставленными правами.

Все перечисленные виды юридических средств должны реализовываться на практике одновременно, так как ни один из них не оказывается способен полностью обеспечить нейтрализацию особенностей правосознания, негативно сказывающихся на ходе и результатах правоприменительной деятельности ОВД.

Список литературы

Основная

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. (в ред. от 21.12.2009 г.).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 22.11.2001 г. (в ред. от 30.12.2008 г.).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 24.05.1996 г. (в ред. от 30.12.2008 г.).
5. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 26.12.2008 г.).
6. О милиции: Закон РФ от 18.04.1991 г. № 1026-1 (в ред. от 26.12.2008 г.).
7. Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации: Утв. Указом Президента РФ от 19.07.2004 г. №927, в ред. от 30.11.2008 г.
8. Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации: Утв. Постановлением Верховного Совета РФ от 23.12.1992 г. №4202-1, в ред. от 25.12.2008 г.
9. Концепция совершенствования профессиональной подготовки кадров в органах внутренних дел Российской Федерации от 6.11.2003 г.

Монографии и научные издания

10. Алексеев С.С. Теория права. Изд-е 2-е, перераб. и доп. – М., 1995. – 320 с.
11. Бабенко А.Н. Освоение правовых ценностей в процессе правовой социализации личности. – Иркутск, 2001. – 119 с.
12. Баранов П.П. Профессиональное правосознание работников органов внутренних дел (Теоретические проблемы). – М., 1991. – 127 с.
13. Баранов П.П. Теория систем и системный анализ правосознания личного состава органов внутренних дел. – Ростов-на-Дону, 1997. – 166 с.
14. Баранов П.П. Актуальные проблемы теории правосознания и правового мышления / П.П. Баранов, А.И. Овчинников. – Ростов-на-Дону, 2006. – 184 с.
15. Бельский К.Т. Социалистическое правосознание. Диалектика формирования и развития. – Ярославль, 1979. – 382 с.
16. Бельский К.Т. Формирование и развитие социалистического правосознания. – М., 1982. – 173 с.

17. Вопленко Н.Н. Правосознание и правовая культура. – Волгоград, 2000. – 50 с.
18. Вопленко Н.Н. Реализация права. – Волгоград, 2001. – 46 с.
19. Вопленко Н.Н. Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции / Н.Н. Вопленко, А.П. Рожнов. – Волгоград, 2004. – 202 с.
20. Гавриленков И.Н. Исторический материализм и юридические науки. М, 1963. – 46 с.
21. Гак Г.М. Учение об общественном сознании в свете теории познания. – М., 1960. – 110 с.
22. Герасимова Н.П. Правоприменительная деятельность органов внутренних дел по обеспечению прав человека и гражданина: Монография / Н.П. Герасимова, А.А. Юнусов. – Челябинск, 2003. – 167 с.
23. Гладких М.В. Индивидуальное правосознание в свете психоаналитической теории. – Ставрополь, 2004. – 78 с.
24. Грошевой Ю.М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. – Харьков, 1975. – 144 с.
25. Даниелян К.Р. Традиция и правосознание. – М., 1999. – 101 с.
26. Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. – М., 2002. – 368 с.
27. Ершов В.В. Судебное правоприменение (теоретические и практические проблемы). – М., 1991. – 97 с.
28. Жалинский А.Э. Социально-правовое мышление: проблемы борьбы с преступностью. – М., 1989. – 192 с.
29. Журавлев В.В. Марксизм-ленинизм об относительной самостоятельности общественного сознания. – М., 1961. – 41 с.
30. Злобин Г.А. Правосознание в советском общенародном государстве. – М., 1963. – 32 с.
31. Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. – 235 с.
32. Иоффе О.С. Вопросы теории права / О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский. – М., 1961. – 381 с.
33. Казимирчук В.П. Право и методы его изучения. – М., 1965. – 124 с.
34. Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. – М. 1991. – 160 с.
35. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. – М., 1958. – 187 с.
36. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Изд.8-е. – СПб., 1908. – 276 с.
37. Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов. – Казань, 1975. – 207 с.
38. Лазарева О.В. Правовая процедура. – Саратов, 2004. – 152 с.

39. Левченко И.П. Механизм применения права (опыт системного исследования): Монография. Смоленск: Издательство СГУ, 1997. – 101 с.
40. Лукашева Е.А. Правосознание и укрепление законности в СССР. – М., 1958. – 106 с.
41. Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. – М. 1973. – 344 с.
42. Малахов В.П. Философия права. – М. – Екатеринбург, 2002. – 448 с.
43. Малюткин А.В. Учение о правосознании в юридической мысли России. Анализ основных теоретических концепций. – Чебоксары, 2004. – 158 с.
44. Марфицин П.Г. Усмотрение следователя (Уголовно-процессуальный аспект). – Омск, 2002. – 234 с.
45. Медушевская Н.Ф. Интеллектуально-духовные корни современного российского права. – М., 2005. – 152 с.
46. Морозов В.М. Социальные проблемы подготовки кадров правоохранительных органов. – Владимир, 2004. – 364 с.
47. Назаренко Е.В. Социалистическое правосознание и советское правотворчество. – Киев, 1968. – 75 с.
48. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. – М., 1999. – 552 с.
49. Нерсесянц В.С. Философия права. – М., 1997. – 647 с.
50. Новицкий В.А. Теория российского процессуального доказывания и правоприменения. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – 584 с.
51. Общая теория права. Курс лекций // Под общ. ред. В.К. Бабаева. – Н.Новгород, 1993. – 476 с.
52. Олейников В.С. Акмеология правосознания и нравственно-правового воспитания / В.С. Олейников, А.В. Пономаренко, В.Н. Снетков. – СПб., 1998. – 137 с.
53. Остроумов Г.С. Правовое осознание действительности. – М., 1969. – 175 с.
54. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Изд. 2-е. – СПб., 1909. – 318 с.
55. Покровский И.Ф. Формирование правосознания личности (вопросы теории и практики). – Л., 1972. – 41 с.
56. Потопейко Д.А. Правосознание как особое общественное явление. – Киев, 1970. – 200 с.
57. Проблемы советского социалистического государства и права в современный период. – М., 1969. – 312 с.
58. Проблемы теории государства и права / Под ред. С.С. Алексеева. – М.: Юридическая литература, 1987. – 448 с.
59. Раднаева Э.Л., Лихатина А.Л. Правовое сознание будущих юристов. – Улан-Удэ, 2005. – 107 с.

60. Ратинов А.Р. Правовая психология и преступное поведение / А.Р. Ратинов, Г.Х. Ефремова. – Красноярск, 1988. – 253 с.
61. Рейснер М.А. Наше право. Чужое право. Общее право. – Л., 1925. – 213 с.
62. Рябко И.Ф. Правосознание и правовое воспитание масс в советском общенародном государстве. – Ростов-на-Дону, 1969. – 76 с.
63. Сапун В.А. Социалистическое правосознание и реализация советского права. – Владивосток, 1984. – 68 с.
64. Сауляк О.П. Проблемы обеспечения законности в сфере применения права. – М., 2002. – 115 с.
65. Степанян Э.Х. Об относительной самостоятельности идеологии. – М., 1961. – 120 с.
66. Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. – Рига, 1964. – 748 с.
67. Суслов В.А. Правосознание в уголовном процессе. – Владивосток, 2000. – 159 с.
68. Теория государства и права. Издание 2-е, дополненное и переработанное / Ответственный редактор Н.Г. Александров. – М.: Юридическая литература, 1974. – 664 с.
69. Теория государства и права / Под ред. В.П. Малахова, В.Н. Казакова. – М., 2002. – 564 с.
70. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2001. – 511 с.
71. Трофимова Н.М. Формирование нравственно-правового сознания молодежи / Н.М. Трофимова, Т.М. Занина. – Воронеж, 2006. – 98 с.
72. Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. – М., 1963. – 123 с.
73. Фомина В.А. Общественное сознание и закономерности его развития. – М., 1960. – 23 с.
74. Хрючкина И.В. Правосознание, правовая культура и правовое воспитание / И.В. Хрючкина, А.И. Лагунова. – Красноярск, 2002. – 45 с.
75. Чефранов В.А. Правовое сознание как разновидность социального отражения: философско-методологический очерк. – Киев, 1976. – 210 с.
76. Щербакова Н.В. Проблемы правовой установки личности. – Ярославль: Ярославский университет, 1993. – 173 с.
77. Явич Л.С. Общая теория права. – Л., 1976. – 207 с.

Научные публикации

78. Абрамов А.И. Функции правосознания и их роль в реализации функций права // Правоведение. – 2006. – №5. – С. 23-34.

79. Акимова Т.И. Правовое воспитание как один из факторов формирования правового сознания // Формирование личности посредством юридического образования: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, 16 мая 2003 г. – Тамбов, 2003. – С. 39-45.
80. Алексеев С.С. Право и судьба России // Наука и жизнь. – 1999. – №7. – С. 2-7.
81. Андреева Л. Процесс дехристианизации в России и возникновение квазирелигиозности в XXI веке // Общественные науки и современность. – 2003. – № 1. – С. 90-100.
82. Байниязов Р.С. Правосознание: психологические аспекты // Правоведение. – 1998. – № 3. – С. 16-21.
83. Байниязов Р.С. Философия правосознания: Постановка проблемы // Правоведение. – 2001. – № 5. – С. 12-23.
84. Баранов П.П. Профессиональное правосознание и поведение работников правоохранительных органов // Личность и власть (конституционные вопросы): Межвузовский сборник научных работ. – Ростов-на-Дону, Саратов, 1995. – С. 58-67.
85. Бернацкий Г.Г. Законность и целесообразность в конституционной юстиции Российской Федерации: Теоретический аспект // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии: Дайджест официальных материалов и публикаций периодической печати. – 2006. – № 3. – С. 137-140.
86. Булатова М. Влияние православия на становление правовой психологии // Сибирский Юридический Вестник. – 2004. – №1. – С. 68-72.
87. Виноградов А.Ф. Теоретические и практические аспекты оценки эффективности административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел // Административная ответственность. – М., 2001. – С. 92-97.
88. Воскобитова Л.А. Использование системного метода в исследовании современных проблем уголовного процесса // Сборник научных трудов. Серия «Гуманитарных и социально-экономических наук». – Ставрополь, 1998. – С. 145-166.
89. Выступления Президента РФ В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД РФ 17.02.2006 г. // Щит и меч. – 2006. – № 8 (1024).
90. Гаврилин С.А. Методы и формы воздействия на правосознание слушателей, обучающихся в вузах МВД России // Гуманитарные науки и юридическое мировоззрение: Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Белгород, 2003. – С. 99-102.
91. Гранат Н.Л. Деформация профессионального сознания личности работников правоохранительных органов и возможности ее профилактики // Проблемы действия права в новых исторических условиях. Труды Академии МВД РФ. – М., 1993. – С. 30-43.
92. Гриб В.В. Профессиональное сознание юриста: личные и профессиональные особенности // Культура и глобальные вызовы мирового

развития: V Международные Лихачевские научные чтения, 19-20 мая 2005 года. – СПб., 2005. – С. 86-87.

93. Зыкова С.В. Религиозные корни российского права // Проблемы развития государства и права в современном российском обществе. Сборник научных статей. Вып. VIII. Современное Российское государство: движущие силы и тенденции развития. – М., 2007. – С. 99-113.

94. Ковалева И. Диалог культур как фактор формирования и развития правовой культуры в России // Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия. – М., 2003. – С. 204-214.

95. Кожевников С.Н. Гражданское общество: понятие, основные признаки, предпосылки формирования в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Гражданское общество, государство и право в переходный период. Серия: Право. Вып. 1 (5). – С. 26-35.

96. Королева М.В. К вопросу о правосознании сотрудников правоохранительных органов // Актуальные проблемы правосознания в современной России. Сборник научных трудов. Ч.2. – М., 2005. – С. 40-49.

97. Крюкова О.Н. Формирование правового сознания как важнейшего фактора становления гражданского общества и правовой государственности в современной России // Гуманитарные науки и юридическое мировоззрение: Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Белгород, 2003. – С. 147-152.

98. Кузнецов Р.А. Дефектное правосознание как объект конкретно-социального исследования // Проблемы науки конституционного и административного права. Сборник научных статей к десятилетию Конституции Российской Федерации. – Екатеринбург, 2003. – С. 86-91.

99. Кузнецов Р.А. Профессиональное правосознание юристов в современном российском обществе // Актуальные проблемы истории, политики и права. Сб. статей. Вып.4. – Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2004. – С. 83-90.

100. Мамитов Н.В. Конституционное правосознание в российском обществе как фактор реализации конституционных идей в России // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 4. – С. 11-14.

101. Машков В.Н. Общественное правосознание России первого десятилетия реформ: уроки и итоги // Правовые исследования: Международные и национальные стандарты деятельности правоохранительных органов и уголовно-исполнительной системы. Материалы международной научно-практической конференции (22 - 23 июня 1999 г.) и международного научного семинара (5 - 6 октября 1999 г.). Вып. 4. – Екатеринбург, 2001. – С. 5-9.

102. Мелехова Г.Н. О толерантности, культуре мира, большевизме и православной культуре // Образование. – 2004. – №3. – С. 53-68.

103. Мельгунов В.Д. О некоторых вопросах совершенствования процедуры рассмотрения дел об административных правонарушениях //

Административная ответственность: вопросы теории и практики. – М., 2005. – С. 208-212.

104. Меняйло Д.В. Соотношение правового мировоззрения и правового менталитета // Гуманитарные науки и юридическое мировоззрение: Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Белгород, 2003. – С. 165-168.

105. Мехтиханова Л.В. Факторы формирования правовой установки // Современные проблемы государства и права: Сборник научных трудов. Вып. 2. Н. Новгород, 2003. – С. 55-59.

106. Мигущенко О.Н. К вопросу о вреде борьбы с деформированным правосознанием // Юридическое образование и наука. – 2002. – № 4. – С. 14-16.

107. Миколенко Я.Ф. Право и формы его проявления // Советское государство и право. – 1965. – № 7. – С. 47-54.

108. Невирко Д.Д. Деятельность милиции в зеркале общественного мнения Д.Д. Невирко, В.Е. Шинкевич, Н.А. Горбач // Социологические исследования. – 2006. – № 2. – С. 76-84.

109. Певцова Е.А. Правовое воспитание и формирование правосознания в России // Журнал российского права. – 2003. – № 10. – С. 122-133.

110. Полянский Н.Н. Роль социалистического правосознания в уголовном процессе. Ученые записки МГУ: Труды юридического факультета. – 1950. – Вып. 147. – Кн.5. – С. 146-180.

111. Протасов В.Н. Модель надлежащей правовой процедуры: теоретические основы и главные параметры // Советское государство и право. – 1990. – № 7. – С. 14-23.

112. Пушков В.Г. Состояние правосознания сотрудников правоприменительных органов как фактор правовой государственности в современной России // Гуманитарные науки и юридическое мировоззрение: Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Белгород, 2003. – С. 196-201.

113. Скловский К.И. Право и рациональность // Общественные науки и современность. – 1998. – № 2. – С. 62-68.

114. Сорокин А.Г. Проблема правосознания в современном российском обществе и пути его возрождения // Право и образование. – 2004. – № 2. – С. 181-191.

115. Стальгевич А.К. Некоторые вопросы общей теории права // Труды Высшей школы МВД СССР. – М., 1971. – Вып. 28. – С. 202-216.

116. Стальгевич А.К. Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений. // Советское государство и право. – 1957. – № 2. – С. 23-32.

117. Стальгевич А.К. Ценная книга: П.И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права // Советское государство и право. – 1965. – № 7. – С. 154-156.

118. Стругова Е.В. К вопросу о формировании правосознания в современной России // Современные проблемы борьбы с преступностью: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ч.1. – Воронеж, 2003. – С. 129-130.

119. Тощенко Ж.Т. Метаморфозы современного общественного сознания: методологические основы социологического анализа // Социс. – 2001. – № 6. – С. 3-7.

120. Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. – 1993. – № 8. – С. 52-58.

121. Фирсов С. Тоталитаризм или деструкция? О политических терминах в современной религиозной жизни // Независимая газета. – 2002. № 201 (2755).

122. Химичева Г.П. Возбуждение уголовного дела: проблемы правовой регламентации и совершенствования деятельности // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2003. – № 2. – С. 180-205.

123. Шумилин С.Ф. Функции юридической науки в процессе формирования профессионального правосознания // Гуманитарные науки и юридическое мировоззрение: Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Белгород, 2003. – С. 23-28.

Оглавление

Введение	3
§ 1. Особенности функционирования правосознания сотрудников органов внутренних дел в осуществляемой ими правоприменительной деятельности	4
§ 2. Правосознание иных участников применения норм права органами внутренних дел как фактор, влияющий на его эффективность	23
§ 3. Возможности и направления оптимизации функционирования правосознания в правоприменительной деятельности органов внутренних дел	33
§ 4. Воздействие на правосознание и повышение эффективности его функционирования в правоприменительной деятельности органов внутренних дел	39
§ 5. Юридическое обеспечение оптимального функционирования правосознания в правоприменительной деятельности органов внутренних дел	53
Заключение	63
Список литературы	66

Учебное пособие

кандидат юридических наук
Ветрова Оксана Александровна

**СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ПРАВОСОЗНАНИЯ В СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ
НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Свидетельство о государственной аккредитации

Рег. № 1300 от 23.12.11 г.

Подписано в печать _____ г. Формат 60x90¹/₁₆
Усл. печ. л. _____. Тираж _____ экз. Заказ № _____

Орловский юридический институт МВД РФ.
302027, Орел, Игнатова, 2.